

Шарлотта Лис

18+

ДИСКО

Шарлотта Лис

Диско

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40512997

SelfPub; 2019

Аннотация

Фрагмент романа о студенческой жизни героини в неродной для нее стране. Шарлотту окружают интересные люди, с которыми у нее формируются общие привязанности, но вся ее жизнь подчинена мечте – найти любимого человека в лице знаменитого исполнителя бальных танцев. Этого красивейшего юношу Шарлотта видела только по телевизору и на фотографиях. Мысли о Мигеле открывают для нее настоящий путь познания себя и своей сексуальности. Суждено ли Шарлотте встретиться с Мигелем? Может ли любовь на расстоянии стать реальной?

Его я люблю днем и ночью,
И привиделось мне, что он умер
Уолт Уитмен «Листья травы» 1871

Я такой же непостижимый и дикий,
Я испускаю мой варварский визг
Над крышами мира
У. У. 1855

Я поднимаю голову и вижу это здание, высотное и будто
слетающее на меня всеми своими этажами, – и мне кажется,
кажется, что я снова..., снова в Лондоне.

Это университет. Здесь за мной закрывались двери...

Здесь родилась мечта, здесь выросла одна жизнь... Моя
жизнь...

Она стала такой, как твое основание, зарытое в землю;
я характер свой мерила по твоей стене, стремление возво-
дила, как ты свой фасад – на одиннадцать этажей, и, может
быть, поэтому оно всегда угрожало свергнуться с воздушной
своей грани так же, как ты вот-вот обрушишь на меня свою
голову!..

Я могла стать великаном, но осталась ничтожеством...
Должна была понять тебя, но не поняла... И говорю я сейчас
не обиду, а страшное заблуждение – и тебе, наука в камен-
ной плоти, разрешить его. Ты посмотришь на меня как на

заблудшее свое дитя, которое вновь нужно учить, и ни одно безобразное мое слово не сдвинет твой дивный светоч... Только скорбь развязывает мне язык. И нечего уже терять! Нечего! Если только на моих глазах ты не ляжешь прахом, унося истину мою в руины! Без тебя я проиграю не только остаток этой жизни, но и смысл всего, что было. Может быть, завтра я умру... Я слишком больна, чтобы сдать еще один экзамен. Мне нужен лишь правильный ответ, подсказка – хоть единственный раз, хоть однажды... как друг – другу, как бог – фанатику...

Ты! Ты не мое достоинство, но зелье, наркотик, без которого я не могу жить. Я психологический наркоман, в мозгу моем путаные коридоры и ступеньки, ступеньки, ступеньки... Все одиннадцать этажей... То, что снилось без конца, саднило душу и память, побеждало расстояние между нами... Я почти на пол-земного шара отступала, отступала... И теперь знаю: ты – зелье, с которого рвет, когда его слишком мало.

И вот я пришла к тебе. Крадусь по затемненной аллее – и постепенно раздвигаются деревья, обнажая до самого солнца твой белый стан. Ты смотришь стеклянными окнами в мои стеклянные глаза... Ты помнишь, сколько мне лет? Сколько лун миновало надо мной с тех пор, как мы расстались? А ты помнишь, как это началось? Как впервые я сказала: «Боюсь, мама»? И двери закрылись за мной, и мой возраст был возрастом Джульетты...

И не знала я другой жизни – лишь клетка, запертая со всех сторон... «Я не сплю ночей, я поднимаюсь рано по утрам в бреду, когда всех на свете хочется послать от усталости! Никто меня не понимает. Это ужасно! Я вынуждена сидеть допоздна со своими уроками, о бог, один ты знаешь, что я так боюсь темных ночей, когда все ложатся спать, а я сижу до заговенья; я боюсь, страшно боюсь сидеть одна, боюсь темноты, боюсь невидимого присутствия... кого-нибудь. А потом я засыпаю, но часто прихожу в себя от кошмаров, которым нет конца; они терзают мой разум, а мне так страшно, о, ты один знаешь, Иисус, как мне бывает страшно... Десять лет одно и то же, одно и то же... Я не вижу мира, я ничего не знаю, но хуже всего, что желая перемен, я боюсь их».

Взгляд в мир! И какая сила пробила твои камни... Я бы жила в затворниках... Ждала бы логического конца, испила до дна свой наркотик... И все равно, кстати, что логическим завершением наркомании становится смерть...

Молодость моя, зачем ты сгубила мне душу? В тот год я стала извращаться и слушать музыку. Какая-то бешеная ответная реакция – на что? – скажи мне! Тебя ли я защищала, белое мое здание, пытаюсь голову с инстинктами утопить в ужасе – или уже во власти была того, что просыпалось изначально дурным?! Я тогда еще знала: все это, под видимостью перемен, в полном противоречии с самой собой, есть оторва, уход от действительности, от обыденности, от бедности...

Молодость, скажи, зачем ты сгубила меня так жестоко?

Зачем ты своей собственной жизнью жила во мне? Или я виновата? Или громада вечная, что надо мной раскачивается в вечных каплях слез? Я была старой, я помню... На обрывке какой-то лекции писала строки факта или жалобы – или просто так некстати, неудачно соединенные слова: «Я почти совсем старуха в шестнадцать с половиной лет, ведь безумие всегда..., всегда оставит след, посмотришь – а в мозгу разруха...»

И ты возродилась, молодость, в каком-то импульсе – отравленная, взбешенная – вырвалась наружу, пробив во мне целый тоннель, и унесла, уничтожила в ярости своей и революции то единственное, которое еще роднило меня с *homo sapiens*.

Жутко, когда блестящие от животной страсти обвинять пары человеческих-волчьих глаз приближаются к тебе и грубый голос выносит приговор: «Она еще и лесби!» – «Неправда! – кричит Гордость слабо, но отчаянно. – Что это вы определяете так низменно?! Никто не просил вас судить! Я просто люблю ее, и никто, и ничто, и никогда... НИКОГДА ее у меня не отнимет!»

Я извратила тебя, молодость, я деградировала тебя – и ты выросла такой, как у тебя получилось, как тебе удалось... Но в истерзанной, вырожденной своей сущности ты уже не смогла... любить нормально, ... как люди нормальные любят...

Здание, здание... Смотри стеклянными окнами в стек-

лянные мои глаза...

А ты знаешь, о чем я мечтала сутки напролет? Знаешь, верно – о парне! Но не молодость в этом виновата! Она меня не удивила любовью. Моя молодость удивила меня вульгарностью этой любви. На меня обрушились беда и позор – на меня обрушился фанатизм. Я ненавижу это слово, но его твердят все, кто знает меня. Выходит, я разучилась любить, теперь я могу лишь фанатеть? Меня обвиняли в платонических чувствах всю жизнь, и вот я надеялась: когда стану взрослой, смогу с полным правом заявить в лицо каждому: ЛЮБЛЮ! – и что же? Я влюбилась в человека, которого не видела в глаза... просто он... знаменит... Я была раздавлена и понимала: я раздавлена...

И позволить ему идти, куда хочет? И убить в себе сердце? Сказать, что это неправильная любовь?

Но, послушай, я всегда буду тебя любить, всегда буду о тебе мечтать! Увы, я могла лишь фанатеть, но мой фанатизм дал тебе то, что ты сам видел... и то, ... чего еще не видел...

О чем же молиться еще?! Бог, если бы я могла хоть как-нибудь сделать его счастливым... Пошли мне хоть его боль! – это неизмеримое блаженство... чувствовать его боль. Но только не свою! Я слишком слаба для собственной боли! Я даже не благословила его... на этот шаг... Он прогнал меня жестоко...

Почему ты бросил меня... почему? Может быть, мне попросить прощения? Но в чем каяться? Только в том, что я

– это я...

Где воздастся за верность? И кому верна? – призраку, опавшей листве... Родное мое небесное создание – земной мужчина... Муж мой, ты один имел право разбить мое сердце... И как жена я сама подставила грудь под удар... Как мне проникнуть в эту душу, как узнать эту тайну? Ты не вернешься? Неужели нет? Но ведь ты... ты любил меня...

Стеклянные окна, посмотрите на свою дочь, скажите, в чем она виновата? Она ведь ничего не сделала дурного: не показывалась обнаженной перед ними – всего лишь танцевала; позволила себя накрасить, полюбила страстно человека, отдавая ему душу, – человека, которого окружавшее ее общество ни в коей мере не считало чем-то клейменным! Так в чем же скрывалось это ТО, что мешало и мешало...

Университет мой, я прихожу к тебе как к предтече всей любви, длившейся сто лет. Даже несмотря на то, что лето сегодня – двадцать первое в моей жизни – все равно этой любви сто лет! Я прошу только одну истину: скажи, почему его нет со мной? И я буду ждать ответа, пока глаза не побелеют от твоих стен. И буду скользить взглядом по всем одиннадцати этажам и изредка, будто случайно, упираться в голубое, безоблачное небо, в которое я когда-то кричала его имя... Имя знаменитого человека! Какая глупость! Я тогда еще не знала, как он знаменит, НАСКОЛЬКО он знаменит...

Милый, любимый, ... родной! Одно слово страшнее другого... Если бы, действительно, слово могло убить своей свя-

щенной силой...

.....

1. Слишком многое сегодня случилось – ставили елку – это мой первый Новый год, когда я его люблю! – я весила на деревце шары, а они сверкали, и в этих огнях мне чудился он-он-он...

Зак притащил громадный пакет с конфетами: разделим на четыре части – будут нам всем подарки... Завтра-завтра наступит Новый год – вечный праздник, я всегда плачу в эту ночь от сознания того, что мы будто перемещаемся куда-то, от боя часов по ТВ – о, ночью я сумасшедшая!!! Люблю и страдаю – вот Новый год для меня! А с Мигелем теперь то же самое. Что будет, когда они совместятся? – это будет завтра... А когда будет одно такое «сегодня» и я так же смогу сказать самой себе: «Это произойдет завтра!»? Когда будет это «завтра»? Когда он будет моим? Неужели природа посмеет убить такую любовь – это после того, как сама же мне ее и послала! О, ну пожалуйста-пожалуйста... Я его люблю!.. Не плачь, сердце, только не плачь, я прошу, не начинай опять, все это не поможет, по крайней мере, теперь – терпи, терпи... О, Мигель, у меня болит ухо, у меня съехало давление, я опять реву, не могу не реветь – не могу тебя получить, никак не получается, о сердце, мое сердце! Я смотрю на него – солнышко, солнышко! Все валится из рук, из груди рвется, рвется, и не знаю, куда себя деть. Как сделать так, чтоб ты услышал хоть раз в своей жизни – Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, Я

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, и пусть весь мир рухнет-рухнет к чертовой матери, но я тебя люблю!!! Я такая жалкая и беспомощная, и ты меня не знаешь...

А ведь он живет в Лондоне! Всего 40 километров. Не полземного шара, как раньше, но по-прежнему я опускаю вечером голову на подушку, достаю своих «Хоббитов» и чаще всего не могу прочесть ни строки – все мучаюсь сознанием полной безнадежности. Это слишком мало – быть в одной стране! Что теперь? Броситься ему на шею в клубе? Или бродить по улицам, мечтая попасть под его автомобиль? Все это годится – но не для любви. И деловых отношений у нас быть не может. Я – бездарь по сравнению с ним. Никто меня не знает, никто ему не представит и не скажет: «Она талантливая танцовщица, и если вы хотите совместное выступление, то...» Балерина из меня третьесортная, я и танцую всего два с половиной месяца – учусь танцевать! Но пока, мне кажется, просто пляшу и прыгаю козлом. К тому же Линда сразу высказала все соображения на мой счет: какие у меня данные, какие способности и какие танцы мне лучше всего развивать. И в пару я не гожусь! Очень обидно было это слушать, но она про мое расстройство до сих пор не знает. Что ей! Профессиональный тренер! Нас было там десять человек, всем тактично высказала как на духу. Мне и так повезло: она семерых отправила в коло, в том числе Анну, а меня поставила на персональный график. Достоинства мои в том, что бедра подходят для танца живота и внешность распо-

лагает к одиночным выходам. «Конечно, ты не стопроцентный образ жгучей Кармен, но приблизить будет вполне возможно. Если постараться вжиться в роль и раскрепоститься – можешь добиться даже кандидатуры в VIP». Словом, возможность ВЫСТУПАТЬ... Я чуть было не протянула по-детски: «А парный?..», но тут же поняла, что однозначно нет. У меня отсутствует ориентация, я не понимаю партнера... Не могла же я сказать ей, что лишь с Мигелем Мартинесом буду вести танец на ура! Кто же первые свои тренировки начинает с мировым призером?! Такое, по-моему, вслух предположить стыдно... И не радуется меня даже этот VIP – одиночные женские танцы, его там все равно не будет, он меня не увидит на сцене – никогда... Единственное место, где может его взгляд скользнуть по моему лицу недоделанной Кармен – это многолюдные залы ассоциаций LATINOHOLL и DISCODANCE. Но там я буду только зрителем и... фанатом. Проклятый фанат! Настоящее преследование... Так я лишусь возможности смотреть на него вживую... Опять только TV... А он танцует с Ализэ – и будет танцевать с ней всю жизнь теперь. Она татарка! Мы одной крови! И чем же тогда она лучше меня?! Кто доделал ее до Кармен?!

И все это притом, что я сто раз зарекалась не завидовать...

И кто догадался показать крупным планом эти глаза по злосчастному TV? В шестнадцать лет влюбиться в какие-то глаза! Но ведь так здорово было... Зал рукоплещет, он отвечает поклон, выпрямляется – и в камеру сверкнули гла-

за... И в мою душу... Помню, как сейчас, хотя целый год уже прошел. Я тогда была еще дома. Однажды февральским вечером позвали меня к телевизору посмотреть на конкурс международных танцев. Он выступал за Мексику, танцевал пасадобль с шикарной девушкой... Я не запомнила ее фамилии... Им единодушно присудили первое место. А потом его объявили: «... двадцатипятилетний Мигель Мартинес...»

Я даже обрадовалась, что он знаменит: значит, должна быть его фотография в какой-нибудь газете. К ночи я уже все была готова отдать, чтоб только увидеть его вновь! Утром мы с Энджи обегали все киоски – искали, но почему-то не нашли. И искали потом каждый день – до меня не доходило, что СМИ выходят по крайней мере раз в неделю... В мае, буквально на собственный день рождения, я отыскала огромный иллюстрированный журнал... Две фотографии на целый разворот... И статья, из которой стало известно, что ему уже исполнилось двадцать шесть, по происхождению он испанец, еще не женат и постоянно разъезжает. Где в данный момент танцует, там и живет. «Поддающий большие надежды...», «... секс-символ...» Я обожала даже запах этих типографических страниц и в мире различала лишь те краски, которые были на фотографиях... Вот уже сколько месяцев высматриваю я на них все глаза... Будет февраль – будет год... Помню, как в буйном каком-то, страстном восхищении прижала я первый свой журнал к груди и прошептала – еще больше себе, чем ему: «Я люблю тебя, ... испанец!»

А в Англию мы прибыли практически одновременно – в сентябре, только с разных сторон. Одним словом, внезапно съехались. И теперь он живет в Лондоне, танцует с Ализе – и будет танцевать с нею до конца жизни! А я сижу в студенческом городке в Эссексе и университет когда-нибудь закончу – снова уеду домой... Он за это время успеет, наверное, три раза объехать вокруг света... Одним словом, разведемся окончательно...

Что мне делать? Он сейчас так близок, но это почему-то приносит еще больше безнадежности и муки...

Вообще-то уже пора в постель – завтра долго не спать, сейчас уже двадцать три-двадцать, а я все думаю, не знаю, как устроить свою жизнь. Завтра Новый год... Завтра, завтра... Сижу и повторяю: «Завтра, завтра...» Завтра в полночь я попрошу у судьбы исполнить мою мечту!

Когда мы только приехали в Англию, я помню – ужасно радовались. Хотя, конечно, мы и сейчас ужасно рады. Три месяца пребывания за границей да еще и с пользой способны любого пессимиста настроить на хороший лад. Но в сентябре у меня был настоящий восторг! Я горела желанием увидеть университет, узнать, где мы будем жить. С Валенсией и Ээкеи мы познакомились, когда ехали все вместе на автобусе из Лондона. Всю дорогу они привлекали всеобщее внимание: Зак бесился, поминутно вскакивал и топтался, Лэси забавно от него отмахивалась. По случайности мы сидели рядом, Энджи и я принялись смеяться – а Зак тут же к

нам привязался. Прелесть этот мальчишка! Я сначала думала, что ему лет четырнадцать, но оказалось, он меня даже на месяц старше. Я пленилась его светло-русыми волосами, длинными, как у девушки. Прежде чем успела сообразить, что делаю, беспардонно ухватила прядь и воскликнула: «Какие мягкие!» Он посмотрел на меня, расхохотался и говорит: «Бери еще!» Я спросила, в какой колледж он поступил. Зак указал на Лэсси:

– Она на филологию, а я с ней!

Какой филолог из него получится – неизвестно, но друг получился классный! К концу маршрута мы уже были взаимно осведомлены и выглядели земляками.

Как же все-таки в одной семье подбираются самые разные люди! У Зака два старших брата, сестра-близнец, три младших сестренки и один братец-мальш, ужасно на него похожий. Никогда в жизни я еще не слышала о таких противоречивых характерах. Зак описывал всех, наделяя каждого самыми неожиданными чертами.

– А где вы живете?

– А кто где!

Логичный финал! Родители с малышами, как и подобает шотландцам, живут в Шотландии, старшие же разбрелись по разным странам и разным видам деятельности. В университет удалось запихнуть лишь Зака – как это ни странно! Но в одном родители оказались правы – вздорного сына нельзя было никуда отпускать одного. Вот он и оказался довеском

к Валенсии. Чистой воды – «она на филологию, а я с ней!»

Сама Валенсия – его полная противоположность. Первое мнение мое о ней сводилось к тому, что она немного странна в рассуждениях, задумчива и плоды своей задумчивости за здорово живешь никогда не выложит. Впрочем, она зарачительно смеялась. «Все Валенсии немного странные», – говорила она. Ее съедали свои проблемы, как и нас с Энджи. Когда я поглаживала Зака по волосам, Лэсси печально делилась:

– А мои не растут! И куда, скажите, у него лезут, у мальчишки?

Волосы ее были дымчатые, воздушные, еле прикрывали плечи и еще вились...

Лэсси с Заком было то первое хорошее, что принес мне приезд в Англию. Когда мы высадились в Эссексе, я уже знала, что буду любить всех Стюартов без разбора...

Квартировать мы стали в коттедже. И хотя не обошлось без соседей, зато первый этаж – наш полностью. Это же додуматься надо было – три комнаты дать на четверых! Мне кажется – не жить бы нам с Заком, если бы Валенсия не приходилась ему двоюродной сестрой. Усмотрели в этом, вероятно, известную надежность...

– Так, девочки, – деловито командовал наш единственный мужчина в доме, – солнце и тепло всем нужны. Будем комнаты делить по жребию...

Ну и досталась ему самая темная! Свет теперь жжет...

До Нового года сорок минут! Будто кувалда свалится на голову... Меня все-таки усадили за стол – власть они имеют неограниченную! Накормили, подарили махровое нежно-зеленое полотенце с красной надписью «Darling» (Ах!) и большую коробку в виде домика, полную конфет, – а еще внутри нее список этих конфет. Удобно! – прочитала и можно ничего не выкладывать!

Завтра отправляю я своих жильцов, и буду дома праздновать одна. Очень неплохо – у меня есть торт, четыре упаковки сока, мандарины, конфеты..., тридцать восемь песен Дересче Mode и к вечеру программа... А еще у меня есть четыре книги по истории и список латинских пословиц – именно поэтому я и остаюсь!.. Сейчас хоббитов читаю...

Что-то я переплакала! Тяжелый все-таки человек. Иной раз сама не понимаю, чего инее все-таки надо. Вот нет его – и будто нужен он мне сейчас (если подумать). Я страдаю оттого, что у меня нет надежды. А откуда я знаю, что у меня ее нет?! Я просто себя накручиваю – «а вдруг ее нет!» Эх...

Ну что, *sum anno novo!* Пятнадцать минут всего...

Не знаю, кто это скооперировался на телевизор, но появился он практически сразу, как мы все вселились. Видимо, соседи достали... У нас этих соседей! – два верхних этажа. Шесть комнат, примерно двенадцать человек – вот и топают с ночи до утра! А телевизор стоит в общем холле у самой

лестницы, и смотрят его все подряд. Правда настроить удалось один-единственный канал – и, разумеется, MTV.

С магнитофоном получилось забавно! Он нам достался в персональном порядке от прежних жильцов. Встретился у дверей взрослый парень (по глазам было видно, что все научные камни изгрыз), посмотрел на меня и говорит: «Какая красивая девушка!» И дал мне магнитофон! У нас и музыки-то нет никакой – три кассеты, Depeche Mode да TATY. Зэкери тогда заявил: «Я бы и так не пропал! У меня плеер для CD имеется!»

– А диски где?

– А диски, – говорит, – в магазине. Прихожу и слушаю...

– Гениально, – говорю. – Так и будем поступать.

Магнитофончик, кстати, еле дышит. Он нам из песен ремиксы делает – запись прокручивает на несколько секунд быстрее, чем надо...

Я вся – сплошной комок боли, у меня все ноет. Смотрю на себя в зеркало – совсем не похожа. Что это со мной?

Вчера под бой часов пили сок, как корпорация трезвенников...

Я себя довела – мне плохо, морозит и вообще... У меня сердце просто физически болит, не могу смотреть на Мигелю... Только кину взгляд, и у меня приступ!

Слушала TATY «Полчаса» – надела что-то на эту песню. Она мне еще дома нравилась... Удачно я догадалась ее с со-

бой взять. Насела также на Depeche Mode «Walking in my shoes»: эта и еще одна – единственные мелодичные песни из двадцати на кассете. Все остальное похоже на заклинания – грозно, мрачно и дурная музыка! Из Exciter – четыре нормальных трэка (прогресс!)

«Зареветь..., убежать..., или дверь... на замок...

И молчать..., и лежать..., изучать... потолок...»

Он мне во сне снился – но без сюжета. То глаза, то руки – все плавало, плавало... Вот и прошла новогодняя ночь... Интересно, он пьет?

Вчера в два ночи взялась за историю – утром это был анекдот для всех! Но выучила все равно мало... А сегодня мы не спим до... до... неужели до четырех? Потому что в час начнется по TV концерт Scorpions. У меня в голове – отрывки разных песен...

«Полчаса – поезда под откос,

Полчаса – и твоя полоса,

Полчаса, полчаса – не вопрос,

Не ответ – полчаса, полчаса...»

Я не знаю, приснилось ли мне – или нет... Наверное, все-таки нет, я помню, что не спала. Но с головой погрязла в каких-то небывалых художественных картинах. И вот видится мне, что он разбился на мотоцикле. То ли с кем-то столкнулся? Он упал, и его придавило сверху. Я бегу к нему – «Мигель!» – он вроде живой. Отодвигаю в сторону этот злосчастный мотоцикл. Боже, вся его голова красная и мокрая. У ме-

ня не то, что жалость, а прямо какая-то душераздирающая нежность. Я помню, что повторяла: «Солнышко! Солнышко!», водила губами по его лицу – и, наверное, все губы мои были в его крови. И кровь его смешивалась с моими слезами.

«Полчаса без тебя, полчаса...»

А потом больничные коридоры. Иду туда, где он. Сажусь прямо на пол возле кровати и целую его руку, пальцы, грязный перстень с яшмовым камнем...

«Ты и я – полчаса, полчаса,

Каждый сам – полчаса, полчаса,

По своим адресам – полчаса...»

Сделаешь что-то и потом всю жизнь помнишь об этом. Почувствуешь что-то – и потом мир тебе об этом напомним. Каждому звуку в такт бьется несчастное сердце, каждую мелочь наградит печальным знамением, будто постепенно слагая слово или целую историю. Снова свет превращается в звезды на мокрых ресницах. Течет по щекам, а ты представляешь – это брызги с моря! А в душе летний ливень, свежо... Никакой черной беды, сплошной катарсис – древнее ритуальное чувство очищения вследствие эстетического сопереживания. Весь человек уходит в мир, а весь мир – в человека. И слезы мои лишь три секунды – от расстройства. Потом я даже счастлива ощущать это острое истерическое волнение. Болевые центры воспринимают как боль то, что на самом деле есть вдохновение жить в гармонии с диким поднебесьем, жить ярче и ярче – пусть лишь на миг. Все звезды разгора-

ются перед тем, как прожгут материю вселенной и уйдут в иной мир.

«Полчаса..., полчаса..., полчаса...»

Песня называется «Полчаса», а на кассете пишут «30 минут». Логика железная!

В начале ноября мелькнуло на нашем горизонте одно существо... Нечто совершенно закоподобное, с такими же длинными русыми волосами, с такими же резкими движениями – по прозвищу Мария. Оно пообнимало меня за шею как новую знакомую и срочно вылетело в Швецию на лыжную базу. Она спортсменка – близняшка Зака.

На дворе второе января, а впечатление – будто весна. Половодье какое-то и натуральный мартовский ветер – просто диву даешься. Если так пойдет, то круглый год будет стоять +10 – в итоге ни зимы, ни лета!

Сегодня столько всего по TV – а надо заниматься! Придут завтра сдавать историю с латынью – и все пьяные. Почему – пьяные? А почему нет? Прошлись сейчас – какие-то люди вокруг странные, неприкаянные, и что бесит! – ничего не работает.

Столько сдавать, учить – как все надоело!!! Даже нормально не отключишься – в голове сидит, что надо чего-то учить!

2. Когда наконец щелкнул дверной замок, я поняла, что все это в реальности. Почему-то медлила, тихо-тихо подталкивала эту дверь в крошечной тьме; пока она возвращалась к моим пальцам, не желая затвориться, еще было время думать, обдумывать, бояться и решаться. Но на все это, разумеется, не хватило ни логики, ни сил. Маленькая жизнь ушла на глупое простаивание у порога. Стояла как в полусне, не могла придумать, о чем подумать, слушала тихий, периодический стук двери о косяк – как будто часы-ходики считали секунды... И вдруг – бамс! – будто что-то упало. Закрылась дверь, и я очнулась. В реальности! – которую теперь уже не изменишь. Решения принимать поздно и зря. И так давно решено. Что хочу, то я сделаю... И кругом – все правда: дверь на замке до утра, Великобритания везде и всюду, и я в комнате не одна...

Сажусь на ее кровать, вижу лишь темный маленький силуэт... Возится и базарит за стенкой Зак: «Ну я же говорил, что все будет хорошо. Поставим стул... Будем жить. А тут тебе меблированные комнаты... Это сказочно! Это дворец!»
– Послушай, Анна... Энджи...

И тишина в ответ. Только замирает рядом родственное мне сердце. Слышно, ... как оно замирает.

– Ты знаешь..., я никогда не была лидером, но я им стала. Мне делать первый шаг... я мужчина между нами... А ты... ты останешься девушкой всегда несмотря ни на что...

Мы сдвинули сегодня кровати. Нам спать здесь вместе...

наверное не один год. Это должно произойти сегодня – или будет душу тянуть до утра... Мы начинали когда-то и обещали продолжить... Ты еще мечтала, ты помнишь? А когда я среди лекции пыталась расстегнуть тебе пуговицы, ты не позволяла... боялась целого мира... И нет его теперь... просто нет, Энджи!

– Да...

Да – и только! Голос глухой... Впервые я ее не вижу из-за этой темноты, впервые я ее не узнаю.

– Я не выношу, когда ты молчишь... и не мечтаешь... Я не выношу, когда не знаю, о чем ты думаешь... Я всегда боялась, что ты не согласишься ... и теперь боюсь...

– Но я не уйду и даже не сопротивляюсь...

– Достаточно сказать «нет».

– А я не скажу...

– Ты любишь меня на самом деле, Анна?

– Да... Как в туалете... и больше...

Сразу вспомнились ее губы... Преступные минуты, вечное ожидание удачи, вечная зависимость от одиночества... Записки на уроках – куча улик... Я пыталась ревновать ее к собственным друзьям...

Нам понадобилось два года знакомства. Она удивлялась, как могла раньше жить без меня. А я даже не думала об этой любви – о взаимной любви! Мне в голову не приходило, что кто-то может на это согласиться.

В первый раз мы приложились в великом смятении – еле

коснулись друг друга... Я помню, что испугалась собственного ощущения, существования чего-то рядом с моими губами. Есть такие чувства, которые невозможно определить, но они есть. Некие движения души, некие изменения. Я сразу замечаю, если что-то не так в моем внутреннем мире. Я там брожу обычно одна без света по собственным коридорам. А иногда я там кого-то нахожу – вдруг! И тогда говорю: ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ!!!

«Энджи, нам надо поцеловаться, как парень с девушкой... Понимаешь – в засос...»

«Я не умею...»

А оказалось – уметь не надо. Мы пережили и это... Какие мы все-таки животные, ведомые... Подносишь губы к другим губам – и они сразу находят свой путь. И остается лишь разум потерять... и подчиниться...

– Я хочу молчать, Энджи, но мне надо что-то сказать... очень важное...

Ее руки утонут в моих ладонях, я снова буду разгадывать чувство, путать свои коридоры, зажигать какие-то огни... Не бойтесь света! Пусть он проникнет в темноту, растворяя ее изнутри – бесконечность неразгаданного, пусть превратит в дымное облако, в тень, в тлеющую материю. Может, черноты вокруг так много, что не рассеять ее всю, может, пара много, буйного тепла от собственного страстного тела... И зеркало тебя не выдаст! Волосы длинные – но есть и у мальчишки; брови широкие и неприличные, которые ей нравятся – у

родного отца такие же; глаза свирепые, косметики никогда не бывало, руки в поросли и коричневом цвете с вывороченными суставами больших пальцев – отнюдь не женские... И ее тонкие светлые пальчики тонут так доверчиво в азиатских твоих клешнях!

Нет у нас мужчины – и не надо! Мы можем сами... Мы все соберем, чтобы любить одну-единственную девочку... Мы будем любить ее вместе, мои мальчики. Соберем все шрамы с каждого из вас, все воронные краски с ваших лиц, все ваше благородство и бешенство в волчьих сердцах и всю нежность ваших девственных губ... Будем любить ее единым, самым мужским существом на свете... Подарим ей близнецов, которых у нас нет... Мальчики мои в моих тетрадках!.. И простим друг другу, что любим мы блондинок. Вы сами гладили ее по волосам темными пальцами, вы сами слишком жгучи и красивы, вы сами были художниками и малярами. Она была для вас беленькой – хоть недолго, хоть в детстве. Вы лишь мечтали тогда, испепеляли ее своими мыслями. И все это вы, мои мальчики в моих тетрадках!..

Нахожу в темноте ее губы и касаюсь легко, будто снова рисую – раз! – и готово. И осталось на листе. А я скольжу все вниз, по шее, ниже, ниже, ниже... И руки катятся по ее волосам, по ушам и вдруг – голые плечи под моими пальцами...

– Что это, Энджи?

– Далеко моя рубашка, мне до нее не дотянуться... Я сама себя раздела. Прошло время мечтать...

– Ты коварна, женщина...

Какая же улада чувствовать себя мужчиной! Особенно когда рядом собственная любовница... Особенно когда укладываешь ее в постель...

Шарлотта, у тебя нет стыда! Но это ничего... Зато и несчастья нет! Может же у человека хоть иногда не быть несчастья...

3. Надо было хоть немного прибраться, а то комнаты становились похожи на песчаные пляжи – сплошная пыль... и еще Экери разорвал весь свой конспект – уже раз в десятый. У него всегда странные идеи. Испшет целую тетрадь, потом выбросит все – и заново пишет, чтобы лучше запомнить.

Анна ушла на консультацию к Жаклин. Я попросила ее показать все наши продвижения по мировой литературе средневековья. Начать бы выписки – а оригинальных текстов не хватает. Мы, конечно, набрали и кое-что французское, и немецкое, и итальянское... правда, не знаю, кто нам будет с французского переводить! Видимо, это придется читать по-английски... Даже если я выпишу пару строк из оригинала, все равно не смогу воспроизвести. Обидно, что из нас четверых никто не знает французского. Владеет им Мари, но от этого никакого проку. В детстве, перед самым поступлением в школу брат с сестрой по обыкновению своему повздорили и пошли в разные языковые группы, чтобы реже встречаться – и вот Зак выучил немецкий. Теперь они с Энджи

– два эксперта, а по-французски мы решили отстать до конца триместра. Сделаем сначала, что знаем. С Франсуа Рабле еще можно разобраться – хоть по картинкам. А что делать со стихами? – Вийон, Ронсар...

Всю неделю весьма своеобразно переводили Шекспира. Просто составляли список устаревших слов! Придется бедной Жаклин сегодня Анне это все рассказывать. Будет еще лучше, если она даст какую-нибудь книжку по исторической грамматике, потому что в субботу 26 числа мы в библиотеку не попадаем – у нас семейное торжество. Нормальные люди историю языка учат на втором курсе, а мы, видимо, примемся на первом. Ни один порядочный студент из этого университета еще не споткнулся на Шекспире! А тут вдруг выясняется, что господа шотландцы и господа русские провалили всю устаревшую лексику...

– Заки, не топчись! Я, кстати, твой мусор мету! Сходи иними стипендию лучше!

– Любуюсь на твое рвение убираться. Кто тебя так воспитал?

Это называется – акт международной коммуникации! С иностранцами можно общаться лишь письменно и канцелярскими штампами – но ни в коем случае нельзя стоять нос к носу с таким вот аристократическим потомком, которому все его бумажные околышки хочется в лицо выкинуть.

– Это был менталитет, – говорю. – Ты все еще стипендию не снял?

– Нет, я еще и шагу из дому не сделал... И все у вас так любят убираться?

– Да ненавижу я уборку! Ненавижу!

– Наняла бы кого-нибудь двадцать раз.

Это уже звучит откуда-то из-за стенки. Ходит и гремит бутылками.

– А кто будет платить? Может быть, ты? Ты помнишь, какое число в субботу? Мне просто не хватает – неужели так трудно понять?

– У тебя осталось всего двадцать минут. Мы непременно должны зайти в магазин перед танцами, потому что потом у нас автобус отходит. После клуба не получится – только на остановку.

– Господи! Да ты сам сейчас больше проходишь!

– Ля-ля-ля... Ля-ля-ля...

– Я закончила! А грязную воду выльем на Экери!

– Нет!!! – взвизгнуло на кухне. Потом что-то грохнуло. Мимо меня галопом, с дикими воплями пронеслось нечто торпедное и выскочило на улицу. Дверь захлопнулась...

Зимний воздух стоял неподвижно – одной сплошной тучей. Чувствовалось море и приближение дождя – восточный горизонт волновался. Песочные дорожки отсырели еще ночью и цеплялись к ботинкам. В тишине раздавались короткие свистки с железнодорожной магистрали, однако, куда движется состав, невозможно было определить – эхо подхватывало звуки и раскатывалось по округе то приближаясь, то

удаляясь...

Небо все больше белело от тумана и облаков, повисающих над головой неровными, бесформенными фигурами. Солнце было где-то высоко и не с нами. Кругом глядела тоска, и хотелось думать.

От заправочной станции тянулись следы мокрых колес вымытой из шланга машины. Автобус мерно уходил на запад – и, согласно расписанию и случаю, в полном одиночестве. Мы с Экери расположились перед самой кабиной, оставив позади скучные ряды пустых кресел. От нечего делать я барабанила пальцами по кожаному сидению. Зак развалился и не отрывал глаз от пейзажа, скатываясь постепенно головой на мое плечо. Мне было немного видно водительское окно – и я смотрела то в даль, то на верхнюю панель с крупными цифрами 576. В салоне совершенно некстати гремело радио: без конца передавали время, погоду, пронзительную музыку...

Лондон звал! – если не надеяться, то просто жить. Хотелось танцевать, именно потому, что совершенно не танцевалось. Хотелось все успеть – в голове царил хаос: умножались деньги, перебирались кафе, куда можно будет сходить в субботу, мелькали лица, обрывки начатых дел. Внезапно захотелось что-то погладить – привычным движением пальцы скользнули по пряди белесых волос:

– Заки...

– А!

– Я не придумала, что можно подарить Валенсии...

– Выберем! Зайдем в универмаг – глаза разбегутся.

Хотелось людей, толпы, какой-то оживленности; хотелось зелени – как в сентябре, хотелось настроения – как никогда... «Я должна написать что-нибудь свое, – пронеслось в сознании, – или отдохнуть от Шекспира...» Гордость от езды, гордость от Англии обливала честолюбие, запрещала скучать и расстраиваться, незаконное расстройство запрещало радоваться, сердце ждало... По стеклам потекли струйки, и

плакал мир inside и outside...

Город появился неожиданно – выплыл из-за поворота, ударил в глаза и замелькал, оставаясь уже позади, позади... Старательно объезжая достопримечательности, автобус двигался к Трафальгарской площади.

В Лондоне обещало штормить. С реки дул порывистый ветер, разбрасывал редкие капли влаги. Между домами гудело. Люди толпами шли навстречу и исчезали за спиной, другие обгоняли – так и не удавалось увидеть их лица. Мы брели по городу уже пешком. Маленький Зак покачивался рядом, как воздушный корабль. Все в нем было смешное – и обветренные губы, и сморщенный нос, и разлетающиеся волосы, которые двигались по красной куртке, парили, занавешивали глаза, и воротник, край которого он грыз. Смешно было, как он шагал в огромных белоснежных кроссовках, спрятав руки в карманы широченных светлых джинсов... Он

поминутно останавливался, отставал, толкался, вертел головой, шел задом наперед. Приходилось вертеться и мне, чтобы не потерять его.

– Заки, ты чего бледнеешь?

– Я?! Ничего!

– Давай пробежимся! Нам еще тренироваться сегодня.

Я схватила его за руку и потащила сквозь толпу. Он летел за мной вприпрыжку, сквозь ветер доносился голос: опять базарил сам с собой; рюкзак с аппликацией желтого животного хлопал его по спине. Вдоль дороги тянулись стеклянные витрины, и мне было видно это отчаянное, жестикулирующее отражение. Когда он заметил, что я на него смотрю – принялся строить рожи. Нам было семнадцать лет – и вели мы себя, как натуральные дети...

По ступенькам в «Хэрродс» Зак поднимался, как медвежонок в валенках, и у входа был уже весь красный от смеха. Внутри универмага был словно другой мир. Мы очутились в зале сувениров: морские ракушки и звезды, павлиньи перья, лампы в виде трубок с искрящейся водой и плавающими в ней рыбками самых кричащих оттенков – сплошная иллюзия! У стены стоял включенный домашний кинотеатр! Просто невозможно было мечтать о таких экранных масштабах.

– Заки, я все хочу! Смотри – домашний кинотеатр! Я все куплю!

– Можно будет настроить все каналы и смотреть фильмы разные. Скажем – «Истории секса: от Дон-Жуана до короле-

вы Виктории», производство США.

– Только представлю лицо одного человека по такому телевизору – и мне плохо!

– Твоя влюбленность?

И улыбается по-детски, невинно. Как младший братишка, который впервые заметил, что сестра вздохнула об однокласснике.

– А Анна тоже любит кого-нибудь?

– Не знаю.

– Как так?

– Не знаю и все! Что тут такого?

– Какая глупость!

– Сам ты большая глупость! Кладезь праздного любопытства.

– Так какого мальчика она любит?

– Которого не существует.

– Значит – как Лэсси! Сестре моей нравится супермен из «веселых картинок».

– Валенсия любит комиксы?

– Да.

– И что нам ей дарить?!

Хороший был вопрос. Прежде всего я купила огромную цветную открытку, а потом мы принялись безбожно тратить деньги на всякую суету. Заку вдруг срочно понадобилась ручка – и он выбрал себе в итоге какой-то мощный красный гель, который растекался на бумаге, как кровь. Потом он от-

правился в спортивные товары и вышел оттуда с маленькой кожаной черепашкой, набитой шариками – так называемой Beanbag Turtles.

– Мне сказали, что она не тонет в воде. Я буду ее по Темзе пускать!

В ответ на это я лишь удивилась, как только он лодку надувную не догадался приобрести.

На третьем этаже мы выстроились у окна в коридоре и смотрели на реку. Над ней летала пена.

«Здорово! Здорово! – восхищался Экери и ляпал стекло. – Ну пошли же, пошли! Запустим черепашку...»

Я чуть не обалдела. «Какую, – говорю, – черепашку?! Там уже шторм начинается!»

– Пошли посмотрим...

От возбуждения он даже не поехал на эскалаторе – не мог стоять спокойно. Побежал на лестницу и покатился вниз. Я прыгала за ним по ступенькам, недоумевала и только размахивала в воздухе свежими номерами журнала «Just 17» и таблоида «Sun».

На улице пахло морской волной, над головой трепало государственные флаги. Зак даже не остановился в дверях, сразу взял разгон до набережной. «Ты куда? – крикнула я. – Собрался в ледяную воду лезть?» Мне пришлось бежать за ним. Наверное, это очень смешно смотрелась: бегут два человека к речке среди января!

Экери прыгал, прыгал по мостовой – наконец, призем-

лил на собственные джинсы, отбросил в сторону рюкзак, улегся на гранит и пытался достать до воды. Потом он подскочил и заплясал.

– Она плывет, плывет!.. Ой! Шарлотта, она потеряется!

– Зачем же ты ее выпустил?

– А я поймаю ее...

И бросился вдоль берега. Я подняла его рюкзак и тихо побрела по мокрой набережной, наблюдая за мелькавшей впереди красной курткой. До меня долетали брызги дождя и Темзы. Было не слишком холодно, зато дуло, как в аэродинамической трубе. Зак бежал до самого моста. Там он ухватился за какой-то выступ и по пояс свесился вниз. «Вылезай немедленно! – закричала я. – Ты сейчас утонешь вместе со своей черепахой». Мне было страшно даже приблизиться к пенистой стремнине. Сквозь водяной столб мелькнуло перед глазами быстрое течение – оно бурлило и несло вперед, как животное; гребни разбивались о гранитные плиты и заливали мостовую. Я схватила бедового мальчишку за рукав и потащила наверх. Зак вопил и поскользывался. Концы его волос были мокрые, лицо забрызганное, с черепахи текло в три ручья на кроссовки. Он хохотал и падал; ухватился за мою руку, прижался лбом к моему плечу – и все хохотал. Мы, пошатываясь, побрели дальше по набережной и свернули на Трафальгарскую площадь.

Наш спортивный клуб находился около Пикадилли. Монолитное здание с разноцветными стеклами на фасаде, вы-

ходящем на дорогу. Над входом горела неоновая реклама – красные буквы «Would you» с эллипсисом. А дальше эта надпись повторялась в каждом окне белыми красками – would you, would you... Настоящий клуб желаний! Внутри мы попадали в зеркальный просторный холл с широкими подоконниками и зелеными электронными часами под потолком. Здесь можно было начинать танцевать хоть от дверей. Посередине стоял столбик – указатель. Табличка «Would you dance» указывала направо. Танцы занимали добрую половину здания. Здесь были и парные, и одиночные, и аэробика, и мужской брейк. У нас сложилось так называемое «коло», или хор – большая группа; они специализировались в основном на дискотеке и народных танцах – болгарских, финских, самых разных.

Налево шли спортивные залы для тенниса, волейбола и кетлеры. Кстати, именно на этих тренажерах я себе чуть руку не вывихнула в октябре! У нас была шикарная душевая: у одной стены кабинки, у другой – бассейн, маленький, но глубокий – в нем даже вода казалась темной. Иногда нам сбрасывали целый поток из отверстия в стене. По другую сторону находилась котельная, воду поднимали насосом, и она падала в бассейн с восьмиметровой высоты. Грохоту было, как в турбинном генераторе. Однажды меня Зак затащил под этот водопад. Помню, стояла там, вопила – и выплыла потом какая-то помятая...

Я повернула направо и побежала по коридору мимо то

шумных, то пустынных залов; в обычной своей раздевалке освободилась от ярко-зеленой ветровки, ботинок, и босиком отправилась в ординаторскую.

– Линда! Hola! Я уже здесь...

– Привет, латиноамериканка. Под какую музыку будешь танцевать?

– Под какую угодно! Я сегодня уже наслушалась всякой дряни...

Она засмеялась и завела меня в один из залов.

– Вот здесь. Я тебя специально вожу, чтобы не привыкалось к одному месту. Включай любое диско и повторяй все сначала. Я скоро вернусь...

К пяти часам на улице уже темнело. Но мне нравилось, как электрические лампы отражались в зеркалах. Так бывает много раз: свет немил, тревожит что-то непонятное, сердечное, ведет к депрессии – и тогда говоришь самой себе все свои достоинства. Ты в Англии, учишься в университете, живешь самостоятельно, за окнами день погас, а ты танцуешь в лондонском клубе, домой ты вернешься поздно и не одна. И все это ты создала собственными руками – собственными силами! Где же ты их брала?! Забыла я – где... Мне грустно... И сам воздух вокруг поэтичный на вкус и цвет – оттого что мне невесело...

Стояла и выделялась перед своим отражением. Внезапно я увидела, что дверь открыта и на пороге в коридорном сумраке стоит какой-то парень. Я сбилась, пошатнулась и оста-

новилась...

– Девушка, если вы так реагируете на людей – как же вы собираетесь выступить?..

Свет коснулся его фигуры – темно-русые волосы, серые глаза... Сердце смущенно вздрогнуло, вспомнилось что-то знакомое. Я молчала.

– А мне нужна Линда...

– Она вышла.

Он добро улыбнулся.

– Хорошо. Не буду вам мешать. Не хочу, чтобы из-за меня страна лишилась талантливой танцовщицы.

И тихо вышел. Даже не рассмеялся саркастически за дверью...

– Что-то случилось? – спрашивала Линда.

– Нет-нет. Просто у меня обычный минор...

– Знаешь, Чарлотти, у тебя есть талант. Когда ты весела – ведешь танец ритмичнее, а когда не в духе – более... чувственно. У тебя словно потенциалы – некие грани, которые постепенно раскрываются... Тебе есть чем удивить публику...

– Ты настаиваешь, чтобы я добилась VIP. А я даже не думала, надо ли мне это.

– В жизни множество дел, Чарлотти, которые валяются из рук, – стоит лишь испортится настроению. Но если ты в своей тоске черпаешь новый источник вдохновения, если ты на-

ходишь иную цель, иной образ в творчестве, начинаешь еще одну стезю – важно не потеряться, нужно всегда следовать именно этой тропой. И не бояться показаться странной!

– Я обещаю подумать, Линда. Я пересмотрю свою жизнь! Если мне действительно нужны танцы – буду заниматься. Ты же знаешь, что я умею работать.

Она немного помолчала, словно намереваясь обсудить какой-то личный вопрос.

– Никогда не надо оставлять за порогом то, что удалось в себе найти. Ты обнаруживаешь любовь к прекрасному, к искусству, ищешь свой образ и стиль... Но при этом ты не хочешь быть самой собою.

– Почему?

– В тебе есть красота, а ты ее не видишь. И запрещаешь видеть другим. Ей надо дать жизнь – ты ее прячешь. Все зависит только от нас! Ты уже выпрямила себе спину, стала стройной. А помнишь, какой ты пришла осенью? Ведь так просто! Может быть, стоит о том, чего ты еще не сделала? Распускала ли ты волосы – хоть раз?

– Нет.

– Ты боишься показаться уродом – но ты еще похорошеешь! Сама по себе – потому что тебе всего семнадцать лет, и ты в том возрасте, когда не стареют, а наоборот, молодеют. Ты еще не цветешь! Ты должна быть красивой, Чарлотти. И не только для VIP... Мы с тобой уже об этом говорили.

– В VIP меня накрасят...

– Ну и что?

– Я ненавижу...

– Для этого существует одно золотое правило: не смотреть в зеркало...

Я поймала на себе ее внимательный взгляд – словно она видела во мне что-то гораздо лучшее, чем есть на самом деле. Я ощутила теплые чувства и порывисто обняла ее за шею. В первый раз...

Этот разговор не выходил у меня из головы. Отчаянно хотелось верить – отчаянно хотелось все бросить. У меня не было никакой определенной цели в жизни. Лондон грел – как факт, но дальнейшая жизнь абсолютно не представлялась – только в виде каких-то полупринаданий. Я не доверяла себе... и страшно боялась французских переводов.

В раздевалке я забрала свою ветровку и вышла в коридор. Его нужно было пройти до конца, повернуть налево, подняться по трем ступенькам и забрать Зэкери с брейка. И внезапно я увидела того самого темно-русого парня. Он подошел ко мне в этом тускло освещенном коридоре и тихо сказал: «И снова вы... Шикарная девушка из зала номер двадцать девять... Линда открыла мне ваше имя., моя Кармэн...»

– Сударь, – произнесла я довольно резко, – вы одурели?

– Не обижайтесь... Надеюсь увидеть вас на каком-нибудь чемпионате! Спасибо вам... за танец!..

Он вручил мне коробку конфет и исчез в конце коридора.

Я стояла, как ошпаренная. Через две секунды ворвался Зэкери, полуодетый, потный, с полотенцем через плечо.

– Видел парня? – спросила я.

– Видел, кажется... А что?

– Он мне конфет подарил...

На это Зак даже не удивился. Только подскочил, по-детски тараща глаза.

– Ну так открывай, открывай... Кушать, кушать, кушать...

– Как кошечка, честное слово...

– Ты уже закончила?

– Будто бы...

– Подожди... Быстренько соберусь, и мы поедем...

Я подошла к крану и умыла лицо. Вода капала в раковину, гулко отдавался звук в пустынной душевой. И вновь стало жутко и одиноко – будто все чужое вокруг...

Зато домой мы ехали куда как весело! Зак шелестел фольгой. Во всем темном мире существовал лишь один освещенный уголок – салон нашего автобуса. И он двигался во времени и пространстве, как мы – по жизни.

– Вот и появился у тебя первый поклонник, – разглагольствовал Зэкери; слушаю я или нет, его абсолютно не интересовало. – А их будет много! Начнут дарить конфеты и цветы, посылать записки с мольбой о встрече и любви, стелиться... коврами...

– За-ки, – протянула я как-то тревожно, – ты, по-моему, му-му гонишь!

– Что?

– Да так... Впервые мне подарили коробку – и ты уже все съел...

– Не все...

– У тебя есть свои шоколадки.

– Я дома забыл.

– Ложь какая! Ты, наверное, зажевал их давно...

– Нет-нет. У меня остались. И я знаю, что буду делать! – тут он разважничался и чуть не разронял то, что не доел. – Я буду горячий шоколад варить! Завтра обещают похолодание.

– И ты встанешь у плиты?!

– Шотландец, который не может сварить шоколад – уже не шотландец, увы!

Было семь часов вечера. Эссекс прятался в темноте, а душа этого мира – в глазах Зака...

– Разорилась и купила новые дискеты. Разноцветные, в коробочке. Мне уже так надоела моя черная... Тут на всех хватит. А вот это... – смотри! Так красиво завернули – там внутри будильник. Большой. Зеленый. Ну что еще можно подарить?! Вместо секундной стрелки фигурка дятла. Он долбит нарисованное дерево... Да... развернуть уже не получится никак... В общем, там будильник. Специально не завели, чтоб не думалось... А что это у вас тикает в коробочке? Вместо сухого треска он звенит, как колокольчик... Дин-дон!..

Странно это прозвучало – отрывисто и неожиданно, будто

кто-то пришел. Получился у меня механический звук, а не слово. От этой противоестественности все внутри дрогнуло. Я подняла на нее глаза и поняла, что она и не сводила с меня взгляда. Опять я болтаю глупости и не знаю, о чем она думает...

– А сегодня было интересно. Когда мы подошли к эскалатору, там стояла девушка с узкими глазами и ужасно боялась. Она, наверное, из самой последней глуши. Потом ее друзья поехали наверх, – и девчонке ничего не оставалось... Она полезла вслед за ними, чуть не упала и стала хвататься за людей. Которыми оказались мы! И я вот думаю... Поневолу захочешь, чтобы Мигель свалился на эскалаторе и хватался за меня, как за последнюю соломинку...

– Грустить будешь, – прошептала она.

Ее взгляд преследовал меня. Лампа ярко-ярко горела. Конечно, я буду грустить – но что же мне делать? Остается только все свои недостатки обращать в достоинства.

У нее странные глаза – немного косые, немного застывшие. И постоянно там дрожит какое-нибудь чувство. Смотрит и будто даже не видит – только дрожит чувство – и молчит... А ты думаешь – вот мой грех! Вот мое странное сокровище, мое чудовище с сильными, властными губами. Наверное, если бы она была красавицей – она покоряла бы сердца настоящих мужчин... и бросила меня. Как бы тяжело было отпустить ее к парню... И стать тогда больше одинокой, чем комета в космосе...

Если бы я пела на эстраде – то о любви к ней. И создала бы клип на очень грустную песню: она уходит к мужчине, они стоят рядом и внимательно смотрят друг другу в глаза, а я пою одиноко и неподвижно стою на какой-нибудь горе – будто превращаюсь в плакучее дерево... Представляю две фотографии в диске; одна – моя, допустим, та самая, где рукава закатаны и на запястье огромные синие часы – там я очень сильно похожа на парня. А рядом ее фотография – обязательно в желтой блузке. Ей идет желтый цвет! Она улыбается на фоне каких-то зеленых лугов – так здорово улыбается, что мне могли бы позавидовать! – и косых совсем не заметно...

Я люблю тебя, некий малыш! Мне очень надо... И неважно, как это все называется.

– Энджи... Завтра у Зака консультация в восемь утра, а Валенсия пока без будильника и не проснется... Может быть, мы сходим в душ?..

– Может быть, – улыбается игриво...

Она становится ближе мне – в этой комнате; гораздо ближе, чем та подруга, что сидит со мной за партой – даже если она гладит мои пальцы под столом, даже если мне удастся расстегнуть ей в библиотеке хоть одну пуговицу... Может быть, оттого, что здесь я вижу ее плечи под сползающим полотенцем, капли утренней воды на ресницах, последний блеск в засыпающих глазах.

Мне не забыть тот день, когда она в длинном сарафане задумчиво сидела у окна, а я хотела видеть ее лицо – и оста-

валось только опуститься на колени... В тот момент поняла одну святую вещь: если бы я носила мужское имя, то ни за что не позволила бы ей быть мне просто подружкой или любовницей – она стала бы моим домом.

– Может быть, нам в Голландию поехать? Говорят, там возможны однополые браки...

– Купим свадебные платья...

Я потянулась к ней и вдруг увидела коридор. Пришлось запустить через всю комнату собственным рюкзаком. Дверь захлопнулась, и мы свалились на постель...

Я СОШЛА С УМА. МНЕ НУЖНА ОНА.

4. Когда этот варварский мир удивляет нас своей дикостью, нам, наверное, кажется, что мы благороднее. Но мы лишь ведомые, ... как и всегда. И не чувство какое-нибудь тревожит – даже не предчувствие; не надоедливый звук вдалеке – и даже не его отсутствие, но смирение перед внезапной красотой, – а за окнами бушует стихия... Будет ли это твоим раздражением или радостью, решит твой бог, но душа станет ревнивой, как животное – она знает, что это космическая боль, которая ее достанет...

Мир, я хочу объять тебя весь!

Я волк, что рыщет по острым ножам или волчонок, который еще боится... Я вижу красоту, и не надо меня губить! И оттого, что станет холодно, будет лишь весело, – ну разве не представишь ты, будто это никем не согретая его кожа!.. Я

придумаю его, я его создам ... из снега.

Снег пошел сплошной стеной, раскрашивая воздух в белый цвет. Только что блестели в глаза огни – отражались лампы на полированном столе библиотеки – и вдруг вижу в окно зимнюю громаду: висит изображение, как картина.

Снег падал и тут же таял, словно исчезал в камнях. Дороги отсырели, будто барабанил дождь. Сквозило в лицо, надувало что-то в сердце, а я только расстегивала куртку. В белом тумане появился Зак – как маленькое чудовище. Мне показалось, что он двигается очень медленно, словно пробивается сквозь заросли – и постоянно вертится, играет в снежный вальс. Намокла рубашка, волосы запутанные, заметенные.

– Снег! Снег! – вопил он.

Это была уже серенькая тень на фоне, просто большая снежинка, которая мелькнет рядом – и не поймаешь... Нечто воздушное, расплывающееся, а вопило уже собственное сердце – не голос Зака...

И внезапно налетело что-то сильное, коренастое, живое – завертело, завертело.

– Снег! – раздавалось совсем близко. – Снег!

Перед глазами все поехало. Откуда-то появилась Валенсия в своем сером плаще.

– Стойте! – доносились ее слова. – Не сходите с ума! На улице три градуса! Вы в больницу хотите? Оденьтесь хотя бы! Прекратите вертеться!

– Мы не можем. Мы в круге жизни, – сказала я и ухвати-

лась за голову.

Зак все-таки оставил меня, но бросился к сестре.

– Я варю шоколад! А я шоколад варю!

– Вари хоть отраву! – она хлопала его длинными полами и пыталась бежать.

Потом я увидела Анну, из-за ее спины выглядывал все тот же Зак.

– Отпусти! Отпусти! – кричала Энджи. – Уронишь! Уронишь!

Казалось, что все они сейчас превратятся в снег и растают – запорошенные, забрызганные, неузнаваемые фигуры...

Когда мы вломились, наконец, в дом, у Зака на плите уже гудело.

– Шоколад! – шумел он. – Держись, Кэдбери!

Я представила, как маленький Зак стряпал свое произведение – и вдруг увидел снег, как он бежал вон в порыве радости, как он хотел с кем-то ею поделиться – и нашел нас, как он ломал свои конфетки, а фруктовые начинки, конечно, забывал вытаскивать, – теперь получится шоколадный суп пополам с компотом или молоко обязательно подгорит... Скажите мне, стены дома моего, почему бы нам не жить шикарно и не варить весело? Зачем воспоминания о прошлом, зачем надежды на будущее, зачем в душе взрослый мужчина с грустными глазами? Я не знаю тебя, я не умею разговаривать с тобой, у меня нет слов выразить свое отношение к тебе – неразумная и маленькая! – даже меньше Зэкери: он зна-

ет, как жить в своем мире, а я не знаю, как выжить в своем мире...

И будто праздник свалился на голову: все чему-то радовались, тут же накрыли на стол, на ночь глядя включили магнитофон. Верно, не у меня одной возникло ощущение, что дом превратился в совершенно невиданное место с причудами – в свету ламп все плывут зимние тени, за окнами, в темноте двигаются светлые блики, отмечаем какую-то неизвестность и малыш Стюарт сегодня за повара – не оттого ли снег пошел?

... Стюарт Литтл – мышонок такой есть...

– Зэкери! Ау! Официант!

Наконец появился Зак и разлил нам очень светлый напиток.

– Ну, – говорю, – так и знала, что ты какао сварешь вместо шоколада.

Он хохотал громче всех и потехи ради неуверенно засовывал кончик языка в свой стакан...

Колебалась в воздухе музыка: не мелодия, а будто шкафы двигают – странное заклинание от Depeche Mode «Personal Jesus». Перед глазами что-то дрогнуло и расплылось пятном. Не знаю отчего, но я вдруг вспомнила синий стаканчик, в котором когда-то очень давно разводила свою детскую акварель. Вода мутнеет не сразу, а будто неохотно соединяется с чем-то чуждым, грязным, что плавает где-нибудь в одном месте лохматым, расплзающимся сгустком. Так и сле-

за зародится в железе, омочит слегка уголки нижнего века и вдруг ворвется морской соленой волной, зальет весь глаз, искажая зрение, наполняя все предметы вокруг беспомощной болью. И хочется тогда взять кисточку и добавить в это неясное изображение хорошую, чистую краску...

Раздражалась впечатлительная творческая душа, будто все в мире было до того глупо и нелепо! Дурацкая палитра! – словно тюбики, заготовки, растворы упали на пол и перемешались, как попало, испортили друг друга. Вот всплывают темные роговицы Зэкери, раз и навсегда карие глаза... Я бы выкрасила их в голубой цвет... на фоне светлых волос. У меня получился бы некий поэтичный блондин со сверкающими очами, в которых нет места секретам, грусти, ужасным предсказаниям. Отдайте черные краски и мрачные тона! Они нужны мне для того, чтобы создать лицо одного человека – еще более темным, жгучим – и это не потому, что оно позорное клеймо на моей совести, грех на душе или дурное воспоминание в сердце, – это рана, зверски выжженная на всей моей жизни...

Где-то далеко в мире раздался посторонний звук. Будто что-то упало или сломалось, – в любом случае, не стало чего-то. Механизм закончил свою игру. Зэкери запутался в стуле и никак не мог вылезть, чтобы сменить кассету. Внезапно я увидела их всех, визуально расплывающихся в искусственном свете дурацкой люстры. Три руки протянулись и пожали мою. Каждый знал все – настолько, насколько смог

понять. Я почувствовала, как снова потекли слезы... А еще я почувствовала, что у меня болит внутри глаз.

5. Сняла свой топ, откинула одеяло и стала лежать так. Надо было подумать. Было прохладно. Снег не прекращался. Перевернулась на постели Анна и тихо застонала.

– Энджи! Что?

– Все болит и болит, – прошептала она...

Падает снег, седой от темноты. Я вдруг представила, что на улице, под каким-нибудь деревом стоит лохматая старушка, почти сказочная, и пощелкивает пальцами в такт каждой падающей снежинке: «Так, так, так... Больше, больше...». А на кухне домовой, устав прятать ножи, устроился на окне и машет, и машет ей. А завтра утром Зак взгромоздится на ту же раму. Они даже похожи: оба маленькие, косматые, смешливые забавники – и смешные... Один – дедушка, другой – красный молодец... У Зака в комнате стоит большая фарфоровая игрушка в виде толстого человечка с кружкой, похожего на героев Рабле пирующего фольклора. Вероятно, в этом образе шотландского кредо гнездится днем не очень-то сытый студенческий домовый.

Потом вдруг полетели осенние листья. Желтые, желтые, а я мету их со двора. Где-то там, далеко, ведет дорожка по ступенькам в школьный класс с зелеными партами.

... У него были гладкие русые волосы и серые глаза. Серые и жестокие, как военная сталь; блестящие, как желтые волчьи зрачки перед костром. Такой он был загадочный и недо-

ступный, что я создала из него поэтический образ собственной любви – колючих стрел и солнца, блестящего, как жар на щите. Постоянно каждая ассоциация возвращается к языческим истокам, постоянно душа стремится к прошедшему взрыву своей звездности, – как будто прошлое обретает настоящую жизнь именно тогда, когда становится прошлым. И мой Ноэль получил прозвище Аполлон. Я потом сама запуталась и уже не знала, какое имя настоящее: Аполлон или Ноэль? Помню ли, как я его любила? Возможно, что уже и не помню. В памяти осталась лишь электричка и мелькающие мокрые холмы по пути на Кузбасс. Я случайно подняла глаза и увидела прямо перед собой, на соседней скамейке, взрослого парня с русыми волосами и светлыми глазами. Он был так похож на будущего Ноэля, которого я никогда не узнаю. Это было то – во всей своей красе! – что я теряла с болью собственника и чувством неизменной ревности, то, во имя чего я облагораживалась и строила лучшие надежды, то, что не отвечало взаимностью, но могло бы ответить и, может быть, ответило бы позже взрослым голосом и взрослым сердцем; это было именно то – любимое, но брошенное мною... ради другого!

– Я не люблю тебя, – прошептала я.

И слезы внезапной этой утраты расплывались по глазам, измоченным дождем еще не последнего циклона. Бог не дал человеку два сердца, и не удастся прожить в услужении двум мечтам – однонаправленным, но из-за этого еще более про-

тивноположным. Так и остались черты того лица в субъективном восприятии чертами самой последней невозможности, которая только возможна. Я вижу иногда Аполлонов в толпе, но они кажутся такими необычными, неземными, несуществующими, холодными, мерцающими сплошной поэтической красотой, воспевать которую отказались все мои произведения...

Совсем по-другому зажглась новая звезда. Другим был он и мир вокруг него – другое выражение глаз и их цвет, и сердце... И другим делалось мое собственное сердце. Все, что началось потом – была новая, принципиально новая жизнь, яркая, как озорные огоньки в его глазах, пестрая, как его родина, шумная, как национальная музыка, ... красивая, добрая и гордая. Все, чем я живу – это игрушечная жизнь, потому что слишком прекрасная. Все представляется мне легко и просто – там, где он, нет и не может быть проблем – ТАМ, есть смысл делать все, что в голову взбредет – ТАМ, вместо солнца бог ездит по небу на колеснице – ТАМ. Он – все, в чем мне везло и в чем не везло, чего мне не хватало; он – тот, с кем пожизненно делила удачу, и оттого все неудачи умножались ровно на два... После него дождь кругом – теплый летний ливень... Ты промываешь мою душу, как кристалл...

Словно слова горячей молитвы отзвучали в ушах... Течет из глаз лекарство от перенапряжения. Летит снег в лицо да застывает на оконном стекле. Свет вдоль по улице – от белевой тучи. Блестят, наверное, собственные зрачки, но мне не

видно. Пригрела я голову в новой стране, но совершенно не знаю, как же такое случилось – словно перенесли меня через пространство. Помню только, что провалилась на экзаменах в Оксфорде, но было мне это ужасно все равно. Жизнь как хоровод, а я в середине – не зная, кто я и где я...

Где-то, на краю земли, стоит игрушечный домик – там мы с ним и живем. Но мне кажется, что я не знаю эту девушку – красивую с распущенными волосами, в модных топах; она сильная и гордая – в каждой ее черточке эти качества! – она получила целый мир, знает все, что было и будет, она уже почти-почти научилась колдовать и она бессмертна... А он? Кто видел его кроме нее – кто видел его настоящего? Никто даже не знает, что он – это квинтэссенция всего истинного, будто открылось слепым глазам новое созвездие. А может быть, меня здесь и нет? Может быть, это прежнее страдание страдает, запертое наконец на веки вечные? А настоящая я там, с ним – счастливая-пресчастливая?...

... Мне часто холодно и одиноко, и кажется, сам ужас поселился в моей комнате. Я теряю смысл, оттого что живу в реальности. О, но ведь ты был-был моим! Хоть один миг! Летом, утром я открывала первый свой журнал и смотрела на тебя. И тогда я еще тебя не знала... Казалось, ты принадлежишь только мне, потому что твое изображение лежит у меня в ящике. И я смотрела на твое лицо и взгляда не могла отвести – спрашивала в пустоту, кто же ты такой! И вдруг будто узнала, по одним глазам, по одной-единственной фо-

тографии, а потом, сама не понимая, вдруг захотела, чтоб ты меня поцеловал. Уже целый год я помню, как тогда разгорелось мое сердце и впервые появилось какое-то чувство, трепетнее которого не было на свете. Слезы текли по щекам и сохли, как и сейчас. А я не понимала, что уже люблю тебя... Целое лето провели мы вместе, и я стала сходить с ума... Потом я поняла, что ты – достояние толпы. Механически покупала журнал за журналом, и чем больше становилась кипа, тем меньше ты был моим...

Так зачем я тебя люблю?

Я могу ночью бежать на улицу и до потери голоса кричать в пустоту – и ты не придешь ко мне. Не придешь, будто это совсем невозможно, будто ты умер давно, а я не могу допроситься призрака. Я любила тебя за одни глаза, а потом словно отняли... А мне бы еще хоть раз свободы от твоей звездности и чистого поцелуя!

Так зачем же я люблю тебя?

И как мне любить тебя, всеми любимого, которого я не видела ни разу в жизни? Но как тебя забыть? Как отдать другой? Почему – отдать? Я не могу без человека, у которого обычное имя Мигель, обычная фамилия Мартинес, обычные черные глаза, обычная испанская внешность... Я не хотела, просто совпало... Мне дерет плоть, когда я думаю о тебе, мне дерет душу, когда я смотрю на тебя, во мне уже рождается твой ребенок. Да ты и сам воспитал меня, как ребенка, ты сваял из меня женщину... свою женщину! Я вдруг пере-

стала принадлежать родителям, как раньше, я могу бросить все и иногда просто хочу так и сделать! Ты дал мне новую жизнь и именно ты (и никто другой) убедил меня в том, что я могу родить новую жизнь!

Я стала другой, стала взрослой вдруг. Закрываю глаза и вмиг уношусь на полвека вперед и иногда просто ужасно! – будто с каким-то грузом возвращаюсь назад. О, я бы наверное уже давно не была девственницей, я бы прожила жизнь в одном сне... Уже пять раз умирала и все время сваливаюсь откуда-то в ту же реальность, в тот же возраст... Что такое мужчина, кто бы знал! Мужчина – это слишком многое, чтобы сказать, будто он не нужен... Это даже не *мамин мужчина*, это мой мужчина... Мой! Это значит, я стала плохой девочкой. Я могу быть твоей фанаткой и даже имею на это право – никто мне не запрещал. И женой твоей мне тоже никто не запрещал быть! Но я почему-то тебе никто. И нет ответа. И все пусто. И ты, может, сейчас так же одинок, как я, но даже после смерти не узнаешь, что я отдавала тебе сердце, а вместо тебя забирали его пустота и полное ничто...

Так зачем я люблю, кто скажет?!

... Даже зима здесь будто игрушечная – теплая, ласковая, приятно покалывающая холодком от окна. Я словно выше всего, что происходит, выше всех ощущений – кроме одного... Неужели я в самом деле начала завоевывать мир? Может быть, все так оттого, что он теперь ближе? Но ведь какой это стресс!

Не со мной мое сердце, далеко дом, я – словно странник, лишь на секунду замерший среди океана; один только миг покоя, когда буря делает новый разворот – и снова мчимся, гордые в своей безысходности, все человеческое растеряли, мораль и чувство меры, одно лишь страдание возвращает к реальности. А была зима и снег, и холод, и метель – и полный отстой. И я возвращалась из лица, как с вечной каторги, и не хотелось учиться, и жить временами – тоже... Но все-таки ходила и училась, все сдавала и носила в себе это горячее, больнее сердце... И ты бы знал, сколько раз мне хотелось найти тебя в метели. Появился бы вдруг, как знакомый, и я бы просто прижалась к тебе, не говоря ни слова...

Очень много писем осталось у меня с прошлогодней зимы. Я адресовала их Мигелю, а отдавала Анне. Теперь они вдруг находятся – в самых разных тетрадях. Древние рукописи, ужасная боль чьей-то сентиментальности. Это была та девчонка шестнадцати лет, которая теперь – я... именно я. Эй, я уже в Англии! Что бы ты *тогда* на это сказала?!

«Слушаю песни... и пока я их слушаю, спускается темнота, так незаметно – в комнате полумрак, а небо за окном все еще голубое. Но это минут на пять!..

Ты знаешь, что-то случилось со мной! Нет, я не сумасшедшая, я почти не плачу... Подхожу к окну и вижу луну, которая еще на себя не похожа – смахивает на какую-то планету. Она повернута ко мне боком, с одной стороны – темная, а с другой освещена солнцем... Нет, она не светится, просто

видно, что на ней солнечное пятно. А самого солнца я не вижу: сейчас оно не со мной, оно сейчас с тобой. Но ты не видишь луны, потому что она скрыта в лучах. Так что мы все-таки разделены, наши взгляды не могут пересечься на одном предмете. Но я увидела кусочек твоего мира – это светлое пятно луны, которое сейчас находится над твоей головой. Ты стал мне будто ближе – не знаю, что же такое произошло, но ты мне ближе. Отхожу вглубь комнаты – как же быстро темнеет.

Люблю темноту теперь – видно красную лампочку от магнитофона, она светится, я на нее смотрю. За окном зажглось много разноцветных огней, они расплываются, мне режет глаза, но я смотрю на них. Только сейчас почему-то поняла, что всегда любила эти огни. Однажды, лет пять тому назад, ехала в машине с мамой и папой вечером по городу, кругом были огни – и у меня возникло чувство, что я в кого-то влюблена.

Вчера из автобуса опять увидела луну с темной и светлой стороной. Я сидела, теребила собачку на рюкзаке, она висит на кольце – и вот это кольцо наделось мне на палец... Нет, я не плачу – не из-за чего, ведь правда? Я знаю, что должна получить золотую медаль! Может быть, это ты? Пока ты жив, ты мой, что бы ни случилось! Я знала, что иду к пропасти, но все еще иду – как к судьбе...

А еще говорила маме в четырнадцать лет: *Почему детство прошло?* Да какое там! Я сейчас такая маленькая перед

своей любовью, такая жалкая! Смотрю на себя – вся нескладная, как гадкий утенок, и плачу о человеке, который мне не принадлежит... Нет, Мигель, я такая ничтожная перед тобой, если бы ты знал, сколько боли ты мне приносишь – и это любовь, злая, злая...

... Сегодня смотрела мыльную оперу, и там показывали дискотеку... Даже сердце зануло от ожидания. Как классно, что ты любишь танцевать – я тоже люблю... Правда, с недавних пор! И это ничто – не уметь танцевать! Все приходит само, когда очень охота. Bailamos, bailamos... Ни разу в жизни не танцевала...»

... Я так боялась, что ты женишься. О бог, однажды разрыдалась посреди улицы... Да, я не знаю, как буду жить без тебя – теперь это сложно. А твоя жена? – ведь она будет обыкновенной девушкой: почему мне нельзя ею быть? О, никакой личной жизни ведь нет... Иногда так хочется, чтобы у меня был парень... Я ведь просто мечтаю о человеке, с которым можно было бы не расставаться, говорить, о чем угодно, не стесняться, не бояться и в любой момент стянуть рубаху и делать то, что не получится больше ни с кем... Мигель, меня никто не любит как девушку! Но это еще полбеды – я боюсь, что никто так и не будет меня любить, будто я лишняя в этом мире. И ты, может быть, даже не посмотришь в мою сторону. Ах, мужчина... И старше, и выше, и молодой, и независимый... Я без тебя полное ничтожество!

Милый мой, проснуться утром с тобой, видеть твою

первую улыбку. Господи, как хочется видеть эту улыбку твою – улыбку, причиной которой буду я! Знать, что в мире я приношу все-таки кому-то безоблачное счастье... – это есть счастье! А ты в моей постели, дыхание твоё совсем рядом, и уж не дрожит беспокойная ниточка над океаном... О, будь со мной!.. Вижу обрывки Лондона, Майами, Мадрида, твоего дома, вижу большое зеркало... Помнишь, ты однажды держал меня за руку... Прикосновение твоё было лучше всего на свете, как солнечный луч по замерзшим пальцам... Помнишь, ты однажды спал, и я увидела, что лежу naked рядом с тобой; помню, что прижималась к тебе и прижималась, и вела ладонью... Я бы, наверное, задохнулась от твоего тепла или от своего счастья, если бы не проснулась! А ещё ты просил моей руки у отца. А я убежала в другую часть дома и кричала, как шаман... Я часто кричу во сне, ругаюсь с кем-то за тебя, а ты то настоящий, то – портрет...

Что ещё сказать? Мы внешне похожи – настолько, насколько могут походить друг на друга два черномазых человека. Но я не привыкла об этом думать – с самого начала приняла как должное...

Я читала одну книжку – «Дочь Монтесумы» Райдера Хаггарда... Не знаю, что случилось, но когда он поцеловал её, почувствовав её любовь, мне так вдруг захотелось, чтобы мы снялись в таком фильме: я была бы Отоми, а ты – Томасом... Я читала каждую сцену из их совместной жизни и все представляла, как бы это сыграть. А потом в конце книги Отоми

сказала некоторые слова, которые вдруг озарили меня мыслью, что я, как эта дикая индианка, всего лишь драматическая героиня с героической жизнью, в которой находится лазейка для собственного убийства. Она сказала: «Я счастлива, потому что ты поцеловал меня на жертвенном камне и потому что я родила тебе сыновей».

... Тихо в английской комнате. Никто ничего не говорил, только в голове шума много. Ни одной звезды в небе не видно – некому даже молиться. Смотрю в глаза вечности, которую не понимаю.

– Мама, он не любит меня...

6. Утром я проснулась оттого, что Зэкери игрался где-то совсем близко.

– Вылезай из моей постели...

– Вставай... Вставай... – нудил он на какую-то мелодию.

– Боже, – молвила я и открыла глаза.

Ну так и есть! Сидит на постели и тянет одеяло. Мне это, собственно, без разницы. Он все время торчит у меня в кровати. До того обжились, что при нем и хожу как попало.

– Я тебя на шкаф посажу... на божничку...

– А Анна в душевой причесывает волосы. И Лэсси с ней. А меня опять выгнали, выгнали... Как будто надо им догола раздеться, чтобы волосы чесать. Я, может быть, тоже хотел причесаться...

– Ты уже поздравил сестру с днем рождения?

– Я не успел. Выскочила Анна и отняла ее у меня.

– Бедняжечка! Ну, Валенсию я тебе отвоюю...

Зак сидел передо мной в своих светлых джинсах и катоновой толстой рубашке, на рукаве целых три желтых зверушки – все эти аппликации предназначались, наверное, его домашним малышам, а он увез их и расклеил на свою одежду, где-то – безвкусно, но теперь сама кричащая мода – новый вкус. Я от него заражаюсь всякой мишурой – тоже хочу чего-то эксцентричного, но еще не решила, что именно мне из себя представить.

Когда появился Мигель, я стала заглядываться на модные топы – не знаю, почему так получилось. Какая-то художественная ассоциация, но все равно странная. Я боюсь самой себе признаться, ... но вдруг это мечта о богатстве? Только этого не хватало! Зачем мне деньги? – куда веселее расписывать на задней обложке лекционной тетради последние гроши...

... Ребенок нахохлился, подтянул к носу джинсовые колени; красные носки растопырились в разные стороны и стали похожи на гусиные лапы.

– Это будет твой выходной костюм на сегодня?

– Да, я оделся, только не умылся...

– По-моему, тебе лучше не укладывать волосы. В моде дикие конские прически...

– Ты это прочитала в журнале для девушек!

– Не для девушек, а про длинные волосы. Если бы ты не хотел лохматиться – давно бы подстригся.

– Я и не собирался причесываться.

– Ты же сам говорил...

– Я сказал «может быть»... А на самом деле мне нужно было зеркало... Оно мне и сейчас нужно! У меня дома был зеркальный шкаф. А теперь мне ничего не разрешают...

Тогда я сняла с тумбочки фотографию Энджи в деревянной рамке и нашла под ней пластмассовую прозрачную шкатулку размером с книгу. На плоской крышке красовался рисунок моего родного города.

– Вот, – сказала я Заку, как маленькому, – там мои драгоценности, можешь посмотреть.

В шкатулке лежал кулон – близнецы с неизвестным сиреневым камнем, который я постоянно носила; еще один кулон – этот был золотой, но зато без цепочки; красный браслет – пластмассовый, не мой, хотела выбросить, но вдруг вернулась мода (если я к нему привыкну, можно будет носить); золотая цепочка на руку – претонкая и незаметная! – и куча старых заколок (даже зажимы с колокольчиками, на которых держалась отрастающая челка, когда мне было лет пять). В моих сокровищах чувствовалось полное безразличие к ним. Я машинально бросила на подушку сиреневый кулон.

– Заки, достань мне красную гороховую рубашку с маленькой вышитой собачкой, – сказала я и потянулась за темно-синими, почти черными, джинсами, которые висели на спинке кровати со вчерашнего снежного вечера. Мокрые пятна высохли, но образовались грязные разводы. «Гладить

не будем, – подумала я, – чем проще, тем и лучше. Но придется поискать щетку».

– Какие у нее кофты... Какие кофты! – бормотал Зак у шкафа, потрясая вешалкой. Свалились на пол обе блузки в горошек – красная и синяя.

– Я обожаю комплекты. Типичный дизайн, характерная черта в стиле, но капризная изменчивость восприятия – собственного и общественного... Разноцветные костюмы под настроение, одинаковые платки с днями недели... Фирма!

– Орел на моих штанах почти весь уже стерся. Если бы ты был хорошим мальчиком – давно бы приклеил мне одну из своих аппликаций...

– Желтые животные закончились. Остались одни переводные картинки. Так что могу только под штаны что-нибудь приклеить...

Орел был красный, а теперь маскируется. Без него нет никакого вида, но брюки еще целые. Вторые джинсы, алого цвета, порвались – и я теперь не знаю, что менять вперед и на какие деньги.

Все время пытаешься ввести жизнь в подходящее русло, остановиться на нужных волнах, собрать удобный багаж – и вечно что-нибудь выбивается из привычной колеи – то старые вещи, то новые взгляды. Если бы можно было сочетать все уходящее и все приходящее, не заменять одно другим – или хотя бы обуславливать появление чего-то отсутствием чего-то, а не наоборот... Воспоминания – это ложная жизнь,

настолько иллюзорная, что после нее сиюминутная жизнь кажется еще большей ложью! Я никогда не отрицала, что я консерватор – и я не хочу терять моего орла. Кроме того, я не знаю, что означает «фэр-айл» – стиль, напрашивающийся в мою жизнь. Ведь что-то он знаменует! – но созидание или разрушение? Эскери как на ладони в своей пестроте, он живет внешней стороной медали, у него вся жизнь – увлечение. А у меня увлечение – целая жизнь, каждая вещь – знак глубинного, которое не всегда откапывается. Иногда я даже думать об этом не могу, потому что у меня мысли не оформляются. Но спрашивается: разве ассоциация может быть неправильной – поскольку она субъективна? Человек ужасен: он вмещает в себя любую мысль, любой образ, любую мерзость – мешая ее с красотой...

Пока я думала о парадоксальной жизни, в коридоре заиграла музыка – знакомая, полностью ассоциативная.

– Там сериал, – заявила я. – Там сериал.

– Какой такой? – удивился Зак. – У нас не идут сериалы в силу технических причин...

– А проще – из-за одноканальности. Но там – сериал!

– Если играет музыка – значит, показывают клип. Это и следует из одноканальности. И там клип!

Тут он распахнул дверь, и я действительно увидела клип – черно-белый, старинный, на мелодию, звучавшую в одной мыльной опере.

– Заки, какие слова она постоянно повторяет? Мне все

сливается.

Тут же на экране появилась надпись «Emilia. Big, big world».

– Эмилия. Ты ее знаешь?

– Нет. Я вообще ни певцов, ни певиц – никого не знаю.

– Завидую людям, которые списывают с радиостанций все понравившиеся им песни. А у меня никогда не было такой возможности. Таких мелодий лишаюсь!

– Разве я не был в числе этих счастливых? Но я записи потерял. Ты представляешь?! Остался один пустой CD плеер...

Появилась Валенсия со смешной трагедией в лице – но тут же убежала смотреть видео группы Rammstein. Она что-то оживленно повествовала – но я ничего не понимаю, когда она быстро говорит.

Про ресторан мы решали уже перед входной дверью, надевая ботинки. Валенсия предложила Hot Spot возле Коvent-Гардена, а Анна – «Неаполь» на Лестер-Сквер. Зэкери только рукой махнул:

– В «Неаполе» много жрут, но мало танцуют. В Hot Spot, наоборот, много танцуют, но мало жрут. Все равно куда идти!

– Они дебоширят много, а не танцуют, – сказала я. – И вообще, это открытое кафе, будет с реки дуть...

... «Неаполь» как сейчас передо мною! – красные стулья и прозрачные стены из темного стекла. Музыкальный тон по-

что неощутим, как воздух, – лишь изредка чем-нибудь зацепит. Мы чинно расселись вокруг пустого стола, строили из себя воспитанных. Потом нам вынесли меню – твердые книжечки с розовыми страницами. Мне это показалось такой небывалой роскошью, что я посчитала чуть ли не за честь поддержать его в руках. Там было множество названий – целая куча всякой еды. В каких количествах создают изысканное! А мы знаем только одно трехэтажную бутербродную закуску, которую можно разложить на первое, второе и сладкое.

Я так и не поняла, что они заказали. Всю ответственность переложили на именинницу, и она, в длинном платье бордо, с мягкими кудрями, самостоятельно попадала пальцем в небо. Я не слушала, потому что изучала перечень алкогольных напитков – соединеннокоролевских и импортных. Название «ирландское вино» рисовало в воображении средневековые замки да ненасытные глотки. Но по крайней мере это нечто историческое, с грамотными этикетками, насыщенное цветом и искрами, как волна и фруктовые грозди; густые ликеры – красивое в звенящих фужерах и на страстно влажных губах. Были еще бочки с потонувших кораблей, залитые паркеты, натюрморты, хоббиты, вереницы с красными носами и пьяные слезы...

Все это мелькнуло и пропало. Появился на столе кувшин с ягодным муссом и первая закуска – из перемешанной с белым соусом массы измельченных до неузнаваемости овощей и сухой хрустящей лапши; посередине круглой тарелочки

красовалось маленькое, чуть голубоватое перепелиное яйцо.

– Салат «Гнездышко», – объявил Ээкери, хватаясь за столовые приборы. Он принялся энергично ворошить соломинки: посыпались откуда-то изнутри зеленые листочки приправы. Потом мы отведали шашлыков на чистых блестящих стержнях – круглые мясные рулеты с чесноком. Они втроем выпили бутылку шампанского, заедая выжатыми компотными ягодами.

... Мокли губы от блестящей вишневой кожицы. Вот сидят в ресторане счастливые люди... Вокруг темно, а люстры создают красноватый туман. Странные отсветы у них на лицах от собственных горящих глаз. Они только что танцевали вальс с бокалами вина – немножко проливали его на туфли. Потом они целовались за своим столиком – и вместе с поцелуями передавали друг другу ягоды – изо рта в рот. Это был их собственный десерт – клубника с сахаром, от которой мокли у них губы...

Я совсем не слышала, о чем говорят мои друзья – пыталась сосредоточиться на внутренних ощущениях и растерянно разглядывала на блюде три белых шарика, состоящих целиком из одного только крема.

– У меня во рту постоянно вкус того, что я недавно проглотил, – донеслись до меня детские рассуждения Зака. Это почему-то обострило все мои чувства, я поняла, что не могу больше терпеть – скорее сойду с ума, как раненое животное.

– Я выйду на минутку, – сказала я, тяжело вылезая из-

за стола. В такие моменты всегда хочется выглядеть непри-
нужденной, но что делать, если уже сама собой не владеешь?
Я зашла в туалет и остановилась перед водопроводным кра-
ном. Опять начинается одно и то же. Меня тошнит! – и ужас-
но режет правый бок. Ничто мне теперь не поможет – и будет
разъедать боль, пока все внутренности наружу не вылезут;
она постоянно рождается там, где-то глубоко под джинсами,
словно воскрешаясь, – глухая, ненужная боль. И всегда тош-
нит – независимо от того, что я ем, и ем ли вообще. Даже
в компании, когда я хочу расслабиться, каждый раз портит
все эта тошнота от любого куска.

– Лучше бы я умер, – произнесла я вслух и уставилась
на свое отражение. Испуганные, нездоровые, мокрые глаза...
Потрогала холодную раковину, потом намочила руки и за-
чем-то провела обеими ладонями по зеркалу. Когда я еще
жила дома, портрет Мигеля лежал на письменном столе под
столом. И часто случалось так, что именно на него я про-
ливали слезы. Тогда я гладила его, покрывала с головы до
ног солеными каплями, и он жил под моими мокрыми рука-
ми; тогда самые кончики пальцев говорили мне: я успокаива-
юсь... А теперь размазываю по зеркалу собственное отра-
жение, будто хочу его стереть. Что это за жалкое мое подо-
бие, прикрытое тщательно выбранной одеждой? Без конца
устают глаза, падает давление, корни волос уже начали бо-
леть под приколкой, весь лоб опять в гнойных рассадниках
– и еще достала со своей тошнотой! Вот уродина!

– Что случилось? – тихо спросила Энджи.

– Пройдет. Мне уже лучше...

Принесли счет – маленькой твердой книжечкой. Потом мы фотографировались на лестнице – останавливали прохожих и вручали им фотоаппарат.

– Сейчас выберем жертву, – шептал Зак. – Вон девушка идет... А вон еще лучше девушка...

День стоял один из таких, которые никак не могут успокоиться. Мы решили побродить среди людей и отправились домой с пересадками: сначала на метро до Ливерпульского вокзала, а потом северо-восточным поездом в графство Эссекс. В подземном вагоне Зак совал мне шоколадные орешки: у него постоянно карманы набиты сладостями, даже на лекциях умудряется мусорить в тетрадь сухим печеньем. Но он всегда отвечает за чай – в этом хорошее. У Лэсси и Энджи есть любимые конфеты; одни бисквиты им нравятся, другие – нет. Мне этого не понять! Я ем все, что Зак предложит и что сама найду, только чай никогда не пью с сахаром. У меня интересовались причиной такого парадокса, а я и сама не знаю.

Вот этими шоколадными крошками хотелось мне настроить себя на хороший лад. Но когда мы выходили из метро, на меня внезапно наехали тележкой.

– Извините, – раздалось слева. Внизу что-то треснуло. Я стала лихорадочно осматривать обувь. Зимние ботинки были принципиально красного цвета и велики мне на один раз-

мер, отчего им, конечно, не было цены. И теперь от всей этой красоты отвалилась половина подошвы, уродливо щетинясь обрывками ниток.

– Ботиночек просит кушать? – весело спросила Валенсия. Впереди разъезжались, брызгая водой, автоматические двери.

– Лэсси, подожди, – воскликнула я прерывающимся голосом, – мне только что ободрали! На улице заливает: я промочу ноги и заболею...

Она только рассмеялась:

– Поздравляю! Я однажды летом, в дождь, надела новые туфли. Они, конечно, намокли, и пришла я домой без каблучков...

– Да ты не глючь, – она схватила меня за рукав и потащила на улицу, где нас уже заждались и потеряли. – Отдашь в ремонт.

– Покажи, что случилось, – кричал Зак. Мне было так стыдно, что я только отмахнулась.

– Отдашь в ремонт, – как эхо, успокаивала Анна. – Наденешь пока белые сапоги. Все равно наступает похолодание.

С мокрыми глазами я обернулась и посмотрела на двери, откуда выходили и множились эти чужие люди в чужой стране, которые топтали мою красоту. Я, как драматический актер, который устал от шума и кривит губы за сценой, а все, что было, на самом деле с ним не было. Смотрю сквозь воду и словно исчезаю для всех – портрет несуществующего

человека. Это все максимализм, все роли – внутренние роли каждый день. Мне начинает казаться, что непрерывное мое расстройство – тоже роль, состоявшаяся карьера в оптимистической трагедии. Я брожу на порыве души! На изломе!.. Только быт способен убить меня, меланхолия, отсутствие всяких эмоций...

– Шатти, пойдем, – звучит рядом приятный голос Энджи, – пойдем домой.

Она опять, как малого ребенка, уложит меня в постель, будет рассказывать о своей жизни – раз и навсегда смирившийся со всем человек. Опять будет она на фоне окон, только она, олицетворение всех нас – Мигеля и меня – олицетворение странной любовью...

Тишина была в ее образе, тишина дремлющей страсти, тишина собственной глухоты, болезни и промежуточного покоя. Тихо было возле окон. А Зак утащил к себе в комнату магнитофон и слушал ТАТУ до такой дури, что приходили соседи и интересовались именами исполнителей.

7. ...А все кругом давно уснули. И я лежу, меня колотит в холодном поту и в слезах. Закрываю глаза и улыбаюсь до ушей – и еще дальше. Прихожу в себя – а вокруг огни из соседних домов. Мне так хорошо – наверное, я в экстазе. Вдруг становится как-то жарко, я раскрываюсь – сразу такой приятный холод. Чувствую, что надо перевернуться, – наконец мне это удастся! Ложусь на живот и зарываюсь лицом в подушку; чувствую, что он тут, рядом со мной, прямо вокруг

меня; чувствую даже то, что чувствует он. Вдруг мне так захотелось спать – просто кошмар! Засыпаю и все улыбаюсь, а по щекам стекают слезы. Сплю! Ой, он мне снился всю ночь! Я раза два просыпалась и осознавала, что он мне все еще снится, причем совершенно без сюжета. Сплю часами, а перед глазами одно и то же: он, в черном костюме, бродит по пустынным и пыльным дорогам (в поле, что ли?!), вот все идет и идет, и все улыбается и улыбается, улыбается и улыбается. Закрывает глаза и все улыбается. Его уже из стороны в сторону качает! Ненормальный какой-то...

Как жаль..., но что-то внутри меня сошло с ума... И я не помню, чтобы мне было жаль. Это странная последовательность времен, когда ты стареешь изнутри. Ты можешь считать дни, прошедшие «с тех пор» – и вдруг оказывается, что это было так давно! То, чего не было – оно все-таки произошло – со всей своей болью и радостью, в первый раз и в пустой постели. Это словно прошлая жизнь, которая может начаться сначала – потому что душа вдруг ничего не забыла. Я ведь не знаю, где я, стоящая перед зеркалом! Судьба расколота надвое, и я держу две нити в руках: по одной постоянно убегаю вперед – так, что саму себя уже не вижу, а на другой все время повисаю и срываюсь. Из-за этого каждый поворот приходится совершать дважды как планируемое и запланированное. И я, отставший на мокрой веревке, обречен знать, что будет, поскольку знаю, что именно случилось на лучшем моем пути. Я чую грядущее и боюсь его до ужаса – слишком

много меня сразу отдается лучшей половине жизни (ее называют еще мечтой!), поэтому пережить заново никогда нет сил и смысла; кажется, уже сделала все, что могла. Так получается, что осуществленные, «пережитые» мечты всегда больнее – но не мучительно, а измученно...

Что случилось со мной, что во мне изменилось, и само изменение – это причина или результат? Я не знаю... Физически, медицински – все та же, и пусть ничего не было в реальной жизни, но... могу больше теперь. И это уже не я, а гораздо больше, будто часть кого-то еще живет во мне – его часть... И тот образ, явившийся ночью – ненормальный, в черном костюме – на самом деле не он, а моя собственная воплощенная душа. Это она, неприкаянная, сходила с ума, как человек, себя потерявший... Вот что означает «he is my soul». Хотелось жить не в себе, а чьей-то другой силой – и хоть не чужим замыслом, но полным объединением душ и судеб перед богом и хаосом. Я сразу сказала, что он – мой муж, сразу выложила мечту как результат. И кто-то из нас двоих буквально потащил меня через себя. Проще целый мир пересечь в поисках счастья, чем собственное кровное несчастье отпустить, отвернуться от него, забыть, что столько положительного успела в нем найти – и никогда не сожалеть, не выдумывать второй возможной жизни...

Когда в ногах заболел первый нерв, я поняла, что ЭТО сделалось ко мне ближе, чем раньше – и, как в сказке, я ненависть свою говорила три дня. Где-то внутри меня, в моз-

говом, нервном или подсознательном центре сидел высоко- нравственный, но злой консерватор. Именно он сделал злым ЭТОТ инстинкт. Он все время кусался, а у меня была кровь. Я ей заливала подвалы, которые описывала в романах, глаза моих героев, их руки... Они все стали живодерами, оттого что я – жертвой... Потом потерялась любовь. Я попыталась представить ЭТО – и поняла, что оно мерзко и противно до тошноты и судорог. Как страшный сон в страшную ночь! Не успел страх заохолдить кровь, как слепая ярость тут же бросилась в вены, восставая в каждой клетке. Злое возмущение отдавалось в голову, и все, что оставалось живого, готово было жить, только чтобы бороться до смерти, будто с последней холерой. Я бы сбежала из постели – сбежала от моего Ноэля, затравленная собственным ужасом. Хлеставшее тогда отрицание на многое было способно. Я отважилась бы лечь под нож и вырезать половину себя, лишь бы ничто не напоминало, что ЭТО может случиться со мной. Мне снились во сне маленькие дети в пробирках, плачущие оттого, что никогда не смогут родиться. Чудилось лицо девочки, которая взрослым голосом повторяла: «Не надо, мама!» Я лишь на секунду сдержала слезы, чтобы рассмотреть ее светлые глаза, а потом прошептала в пустоту:

– Ненавижу! Ты злая дочь. Ты не мое, а чужое. Я не позволю тебе играть в мои игрушки. Я и знать тебя не хочу. Я скажу маме, чтобы она унесла тебя и выбросила.

Я долго хотела изуродовать себя..., а потом ударилась в

учебу, с головой ушла в науку. Это стало моей жизнью – жизнью без всего: у меня были книги – но не о том, тетради – да не те, а больше ничего и не было. Я словно вращалась в гранит, строя свою легенду, карьеру и преждевременный конец. От духовной ограниченности, умственной истощенности, принудительной и однонаправленной эмоциональности рождались на свет лишь вредные стихи. Мне пришлось переделать собственную гениальность – и разрывать память формулами, а не сердце – чувствами. Мой Олимп стал глуп, он смешался, переместился и сделался похож на стереометрический конус; я разбирала его по сечениям, по проекциям... , только сути дела так и не поняла. Мне нужно было утвердиться в обществе – вот я и утвердилась! И пусть в глазах других я стала другой – не замкнутой, а серьезной, не задумчивой, а сосредоточенной – но для себя я не изменилась так, как впадают в недостойную, апатичную жизнь с метлой в руках. Как можно было позволить, чтобы из меня ничего не вышло! Я уткнулась в свою золото-серебряную цель, как в стену – а еще лучше, как в потолок желаний. И разбилась об него! Ничего дальше не было, ни единого поползновения... , только самоубийство, как крик – ИЗ ОКНА И ВНИЗ! Полет с подрезанными дикими крыльями... Этот образ, как новый лирический герой, требовал отдельного романа без эпилога и с многоточием. Он был спонтанно придуман, но логически запланирован. Однажды я уже не позволила быту обесцветить свое существование, вступив на тернии – и теперь у

внешней неудачи не было права привести меня к внутренней слабости. Это была идея, то, на что надо было еще решиться, это родилась первая за последние годы искренняя духовная страсть. Серебряная медаль – пусть неудача, но проигрыш триумфальный, золотая – достояние, оставленное после себя, на самом деле представляли градацию одного и того же. Две противоположные причины одного запланированного результата – на земле. В вечности же существовало две ценности – самоубийство и сумасшествие, идея величия и идея скрытого подсознательного. Так было – и так должно было быть и сбыться. Но меня лишили моей смерти, вырвали ее из рук и из сердца – так дают жизнь или уже... бессмертие?

Я два года жила без любви, я не могла его видеть, потому что сменила коллектив. Предполагалось, что склонность моя все еще жива, но я нашла мерзость на розоцветочном ложе. Что было делать? Я отказалась. Всю жизнь мне хотелось бороться за это чувство, любить до могилы, встретить его через десять лет – уже другого его, способного влюбиться в меня, способного, наконец, вообще любить... И вдруг нашлась вещь, которой я не смогла бы ему отдать – даже пожертвовать! Совершенно брэнное обстоятельство... Но мне казалось, что лучше умереть! Я продолжала любить его своей убежденной платоникой – продолжала! Но я выросла и поняла, что без этого у нас ничего не получится... Что было делать?? Сердце разрывалось между симпатией и отчужден-

ностью; это было похоже на струны, которые сам себе рвешь – и их жалко, и пальцы больно. Я не могла больше любить его или кого-то другого – мне было бы только хуже. Но и легче не стало... В лице я знала двух Аполлонов – издали. Один посмотрел направо, другой – налево... Оба покорены – но не мной. И те же бесстрастные глаза и гордый вид... А я ничтожество – они это сказали молча.

Но что искать в их постели, среди их роз? Тошнотворное извращение! Это против моей природы. Я хотела поцеловать девушку – и нашла ее, когда уже не надеялась. Она сказала: «Как жаль, что ты не мужчина!» Вот мы и нашлись, наконец, дорогая принцесса Шарлотта! В этом корень зла и счастье жизни. От этой тоски в моих романах одни мальчишки. Я средний род, во мне сплошной раздор. Одно чувство всегда уничтожит другое, если задатки их совсем противоположны. Люди, к сожалению, не гермафродиты – и к такой жизни не приспособишься. Я умру бездетной и лишенной любви. Так пусть же теперь – молодая, на изломе души, оправданная мало-мальски приличной неудачей – аттестационным серебром...

... Не знаю, что случилось на самом деле: явился ли принц и покорило сердце или само сердце, полюбив, сотворило героя – но чем дольше оно любило, тем быстрее расцветало, а чем гуще сыпало цветами, тем сильнее любило и хотело любить еще больше. Никогда не думала, будто в этом огромном мире существует человек, который может оказаться мо-

им настолько, что в этом уже не будет сомнений. Наверное, между нами существовал маленький бог, который одухотворял его, а образ наполнял титанической силой – потому что не удалось бы ни отсутствующему человеку произвести целое разрушение в чужом внутреннем мире, ни моему затравленному сердцу – вдруг воспрянуть в полной и логической законченности земного цикла.

Кто же тогда спас заразной болезнью из черных глаз, при которой все внутри горит и новой болью стирается старая боль – кто спас, вцепившись теплыми пальцами? Он приснился мне ночью: в аудитории мы писали тест по физике и поднимали друг на друга глаза как незнакомые. Но внезапно я увидела его рядом с собой и почувствовала соприкосновение наших рук. Тепло шло изнутри, из сна, из космоса, где все это было задумано – оно нарастало, но не обжигало, а словно поглощало все болевые и приятные ощущения до полной и покорной бесчувственности; оно становилось окружающей средой и основной потребностью, как воздух. Я схватила его ладонь, и мы убежали в коридор – чтобы прыгать по лестницам... Это был Мигель – или то, что из него создали для меня.

Он стал моим новым ночным кошмаром! Желание его, как жизненный импульс, заставляло меня просыпаться и лишало покоя. Однажды я открыла глаза и заметила, что рука моя двигается по кровати до самого края и обрывается вниз. В этот миг поняла: Я ИЩУ...

Стоял конец лета, когда все началось – и до того было захватывающе, что я не знала, куда топить голову. Не хватало времени думать о том, как это было раньше и как не смогло быть. Теперь оно напрашивалось каждую ночь... Что я могла сделать? Когда я смотрела на Мигеля (а его лицо и в темноте стояло перед моими глазами), то всякий раз чувствовала, что начинаю отдаваться – словно еду... В эту пору привычная платоническая любовь уже сделала из него главного человека в моей жизни, на котором зиждились цели, интересы, мечты, прогулки и цветы, разговоры и стихи, семья, два сына и дочь. Я вновь подошла к вечному парадоксу. Я должна была узнать, противен он мне или нет. А если потеряю его, если все будет по-прежнему – что тогда?! Свидетель Бог, я не смогу даже умереть покорно – если я его сейчас потеряю, то едва успею разрушить весь мир, прежде чем меня запрут в дурдом!.. И никогда еще мне не хотелось жить так, как тогда: найти, наконец, счастье или мстить, утопая в безумии. Я бы перерезала за него всех вместе взятых... Хорошо помню день своего первого эксперимента – 25 ноября 2001, воскресенье... Что сказать? Получилось все... просто все! Как по маслу.

... А все кругом давно уснули... Этой улыбки я никогда не забуду! Утром встала с таким теплом в душе, с таким чувством, как тогда, когда он меня за руку держал. Целый день смотрю на портрет. И ужасно хочу увидеть его в черном костюме! По телевизору играет MTV. Я сижу в комнате, и мне

все из коридора отлично слышно. И звучит это имя, словно его представили публике. Меня будто пронзает, думаю, может, я сплю; потом, как часто поется, I lose my mind (то есть, грубо говоря, теряю последние крохи разума). Тут какая-то сила подхватила меня – надо было видеть, как я неслась из одной двери в другую, не бежала, а просто летела, и сердце мое было впереди меня. И он был в телевизоре... В ЧЕРНОМ КОСТЮМЕ! Я испустила вопль не своим голосом. Бегу обратно в комнату, падаю на стул перед портретом... И вот тут я залилась в три ручья! Из груди все что-то рвется и рвется, уже в сердце закололо. Тут еще на беду взгляд мой скользит по его губам, и я вспоминаю прошлую ночь – реву уже, наверное, в пять ручьев... Ну люблю я его, люблю!.. Да умру я когда-нибудь или нет! Меня колотит, мне все по барабану, я его хочу, хочу, хочу!!! Что же ты плачешь, дурочка? Ты уже все глаза на этот портрет высмотрела!..

... Мое новое открытие было слишком серьезно – и не терпело отлагательств. Это надо было представить, вжиться как-то, свыкнуться, осознать себя в другой ценности, наконец, создать какое-нибудь последствие... Для меня дело приняло серьезный оборот, и поэтому напрашивались размышления о том, как жить дальше и что с этим всем делать. И до сих пор я ничего не могу ни решить, ни разрешить, хоть выбор и не особенно велик. На свете бывают вещи, которые с определенного часа абсолютно от нас уже не зависят, и мы можем только молиться. События памятной ночи поче-

му-то не стали для меня стрессом несмотря на то, что застарелый комплекс уже успел со мной сродниться. Новая фантазия уводила в другую крайность и наполняла торжеством преуспевшего человека; я, действительно, гордилась тем, что теперь у меня есть мужчина. И пусть он не со мной – но, по крайней мере, в принципе существует. Как и мое счастье... Я уцепилась за него, словно за единственный шанс, единственную будущность, единственный результат затяжной борьбы и нелегкой победы – и единственную заслуженную награду, которой оказалось так много... Кто знал его теперь, как я, кто только представить мог, насколько может быть великолепен этот выстраданный образ! Дорога длиной в годы жизни превратилась в заезженные сорок километров; я, наконец, вышла из себя, из своей ограниченности и могла нормально отсчитывать расстояния, измеримые деньгами и электронными часами, а не числом комплексов. Чего мне бояться теперь? Он – всего лишь человек, живущий в другом городе, а меня уже ничто не сможет сбить с моего пути...

– Энджи, я хочу с ним спать!

– Полежать рядом?

Она боится неправильно понять, а на самом деле знает меня лучше, чем я сама. Анна всегда говорила, что мне ЭТО предстоит испытать первой из нас двоих.

– Сможешь, – сказала она уверенно.

– А оно больно?

Вспомнилось вдруг, как я била коленки, как бинтовала

вывихнутые на волейболе большие пальцы рук.

– Об этом в научных докладах не пишут.

– Напиши мне!

– Хорошо, я попробую.

Дня через три прямо на лекции, когда я сидела, уткнувшись в тетрадь, со стороны Анны приполз исписанный листочек.

«Ну вот, ММ обнимает Шарлотту за талию и нежно целует ее... Сердце бедной девушки колотится и трепещет... Он такой горячий! От его тела даже сквозь халат чувствуется тепло... Его пальцы скользят по ее спине и потихоньку расстегивают платье...»

Откуда она взяла это платье? Я не ношу ничего подобного...

«Она поддается его рукам и сбрасывает с себя одежду... Он быстро снимает халат с себя и нежно ложит ее на кровать... Писать дальше?»

А как же!

«Он продолжает ее целовать... Она в страхе дрожит, но он шепчет успокаивающие слова, и она вскоре отдается своим чувствам... Она обвивает его шею руками и думает: *Не отпущу! Не отдам! Мой!* – и отвечает на его страстные ласки... Ей хочется закричать, но лишь вырываются какие-то непонятные звуки. Он смеется и гладит ее взъерошенные волосы... Она с наслаждением касается рук, которые обнимают ее...»

Полежать с ним рядом на берегу какого-нибудь моря, чтоб вокруг никого не было, чтоб можно было его поцеловать, чтоб он смотрел на меня, и я бы знала, что он мой-мой-мой... И еще чувствовать его тепло! Что же ты такой горячий?! Меня кругом преследует это тепло! Руки эти!! Кошмар!!!

«Тут она чувствует, что он нашел самое сокровенное место – замирает... В глазах темнеет, сердце бьется, дрожь пробивает до костей... И тут... *Все кончено!* – проносится в ее голове. Но нет... он здесь, никуда не исчезает, она не теряет сознание... лишь странное ощущение внизу...»

У родителей в книжном шкафу стояла книга в розовом с белыми ромашками переплете, я знала, что в ней говорится о чем-то важном – а меня ни одна важность на свете не могла оставить равнодушной. В детстве я была одержима наукой и мечтала знать все на свете. Чем раньше бы я поумнела, тем больше прославилась, потому что каждое открытие может поразить не только свойством и фактом своим, но и возрастом изобретателя. Вела я себя методически бесстрастно – не то, что теперь! – хоть и не в тех вещах, которые мне навязывались. Меня всегда влекло то, что существовало под ярлыком «Тебе это знать еще рано», потому что я почти не противопоставляла себя взрослому миру, а если и сравнивала, то с перевесом в свою сторону.

Было время, когда мне до дрожи хотелось утащить к себе в комнату таинственную книгу – и я ныла... Это оказалась

монография югославского врача-гинеколога о девушке... и о том, что делает ее женщиной. Я помню, как в первый раз прочитала о родах – и настолько воодушевилась, что тут же решила: «У меня не будет проблем. И боли не будет. И вообще – хочу пятерых малышек разом!» Мне казалось (отчасти – в силу собственного желания), что я живу не просто так, что мое существование имеет грандиозное предназначение – и кропотливо пыталась примерить всякую гениальную формальность, которая приходила в голову.

Позднее я сократила детей до тройняшек...

«Она видит его глаза – они горят желанием и благодарят ее....»

Что я сейчас хочу? Чтобы была плохая погода: ветер, дождь, какой-нибудь буран. И я выйду на наш пустынный бульвар, где вихрь засвистит вокруг меня – и крикну, что есть мочи: «Я люблю тебя, Мигель!»

«Через три часа ее укачивает, и она засыпает..., а он смотрит на нее и любит: *Она была моей!*»

– А почему через три часа?

– Не знаю. Мне так показалось.

Так вдруг стало смешно от этой непонятной мысли – наверное, потому что нервы были на пределе. Я дома еще раз читала рассказ – и все веселилась.

– Через три часа! – твердила я. – Но почему через три?!

... И вот когда-то – давно и недавно – я вдруг сказала себе, что я зря воевала против своих комплексов. Билась, билась –

да и обсыпалась стеклянной пылью! Того, что так натурально происходило со мной – на самом деле совсем и не было, а тот, кто близок был и любил – в глаза меня не видел. И слова одного мы друг другу не сказали... Чужие люди – абсолютно!

– Спасибо вам, сэр, вы изменили мою жизнь к лучшему, научили любить и последствий этой любви не бояться, да только, извините, – мне теперь, кроме вас, никого и не надо!

– Вот дурацкая оказия!..

– Сами виноваты. Что ж вы на глаза-то лезли?

Я думала, что теперь точно повешусь – но все готовности прошли и потонули. А смерть упорхнула, точно птица, да издали надеждой кидается... Словно мученика, приковали меня к моему вдруг как-то ожившему Олимпу под потеплевшие ливни. Куда мне идти с этой земли? Кому делать хуже? Я ему сердце бросила под ноги, как бомбу. Если со мной что-то случится – с ним будет то же самое... А я хочу, чтобы он жил и дышал.

8. Приснилась мне ночью его кухня – и он, на столе сидящий... Шкафы навесные из светлого дерева... Не знаю, в какой стране – но существует, видимо, где-то его дом. Может быть, там же стоит то большое зеркало, перед которым он, грустный-прегрустный, в давнем моем сне повторял: «Мама, where is my girl?» А на кухне Мигель шикарно улыбался, но сидел неподвижно, как будто снимался на пленку.

Он мне часто снится в виде фотографий – наверное, в этом виноваты два портрета, уставившись в которые, я имею

обыкновение делать уроки. Карточки эти, красивые бумажные картинки – все, что у меня есть о нем, что хоть как-то делает реальной мою грезу. Я собираю его, словно мозаику – и многого не хватает, тех вещей, которые утвердили бы меня в стремлении идеализировать; я подсознательно жду, что Мигель Мартинес, действительно, окажется лучшим из всех, кого только может принять мое сердце. Какой у него рост? Вдруг он очень высокий?! Я устала оттого, что Ноэль всегда был ниже меня... Так хотелось, как в фильмах, броситься на чью-то могучую шею!.. – но я преданно гнала прочь такие плотские мысли... А какой у него голос? Подумать ужасно! – я даже не знаю его звука. Мои сны глухие: понимаю все, что он говорит – но не слышу, как будто слова сами идут. Не иметь ничего живого от того, кого любишь... Почти тридцать лет назад умер дед, а бабушка сказала, что уже не помнит его голоса. И у меня в душе кладбище, только заживо хороню... Когда я еще жила дома, то мечтала, как он позвонит и прозвучит в трубке уже давно знакомый и родной голос. А теперь у меня и телефона нет!

Не знаю я его, отчаянно не знаю... Новая любовная печаль – ни у кого такой нет... Одинокие люди на фотографиях прошлое находят, а я будущее на них ищу. Изучаю это лицо до последнего изгиба каждой черты – будто боюсь не узнать на улице...

– Знаешь, это как ребенок. Ты уже любишь его, а он в тебе и, наверное, будет на тебя похож – но еще вы не увиделись,

не встретились – и мучаешься любопытством. И какой бы он ни оказался потом – все равно ты его примешь и будешь любить. Как судьбу!

– Но ты видела Мигеля на снимках и по телевизору?

– Ах, Анна, я и сына своего видела – во сне!

– Какого?

– Второго, младшего... Надо отвыкать от мысли о близнецах, иначе потом тяжело будет разочаровываться. Если нет предрасположенности – на что надеяться?

– А это тоже ребенок Мигеля?

– Не знаю... Он был похож на меня и уже взрослый. Настоящий лирический герой... Я знаю, что никогда не смогу стать парнем. Часто об этом думала, и вдруг оказалось – еще есть своеобразный шанс. Сын! Кто, кроме него? – и я и не я... Словно взгляд на себя со стороны – полностью состоявшуюся и даже творчески воплощенную...

– Трудную ты ему роль уготовила – быть именно таким, каким предписано.

– Мне хватит, если он просто будет. Мигель ведь тоже – хотя бы существует...

– Он просто не знает тебя, Шатти!

– Я тоже не знаю его – да люблю!

– Он тебя даже не видел.

– Вечные отговорки...

Иногда злость появляется, как будто он в чем-то виноват... Видимо, я еще не научилась любить бескорыстно –

и все жду его на серебряном блюдечке, как награду за собственные терзания.

– Было бы здорово понянчиться...

– А как же Эль? Она скоро тебе надоела.

– Это мамин ребенок, а твои – совсем другое дело! Шарлотта, я хочу их увидеть...

– И я хочу...

– У меня, пожалуй, не будет своих детей. Так роди мне ребенка, Шатти!

– Ах, боже мой! Не от кого.

– От Мигеля.

– Энджи, где-нибудь в большом мире есть дом, где много комнат с зеркалами и кухня. Все там напоминает о нем... Самое главное – это семейный альбом, в котором лежат его детские фотографии. Если бы можно было взглянуть... Мне кажется, я увидела бы изображение собственного сына! Как это замечательно – маленький Мигель! Я завидую его матери. У нее был такой малыш...

– Вы с ним похожи, и поэтому малыши не будут сильно от тебя отличаться. Хочу посмотреть на твоего «героя».

– Сандро. От удачного сложения двух настоящих имен получилось третье, почти испанское. А на самом деле я назвала его в честь моего деда...

– А старшего сына ты тоже назвала?

– Да, Энджи. Я не долго выбирала имя... И знаешь – если даже я никогда не стану матерью, мои выдуманные дети

всегда будут со мной, не причиняя лишней боли...

И, как год назад искали по киоскам его фотографии, отправились мы теперь, одержимые идеями друг друга, разыскивать семейный альбом в глобальной сети, или в большом мусорном ящике. Несколько дней не могли попасть в терминальный класс: когда объявлялось свободное посещение, нам постоянно подписывали в расписание какие-нибудь семинары. Топали в семь часов четыре этажа вверх, а все места были уже заняты: люди печатали доклады. Мы свои тексты набирали у знакомых на очень дикой машине. Студенческая техника всегда чего-нибудь лишена, чаще всего самого главного, если вообще не на последнем дыхании: магнитофону не хватало звука, телевизору – каналов, а соседскому компьютеру – Интернета. Кроме того, мне было ужасно стыдно рассматривать на мониторе Мигеля, когда вокруг ходит много народу. Все они увидят, что я глупо влюбленная, одинокая и безобразно слабая.

Фотографии на сайтах – это знак безнадежности, неизобретательности, стадности. А форум? Ужасная гнусная вещь, по форме напоминающая жалобную книгу из одноименного рассказа. Засаленными и засахаренными пальцами стучают отупевшие после работы люди разные бредни, похожие на горькую правду. Каждый вставит слово – лишь бы в такт, а не в тему. Все как один пишут: «Привет, я сижу в терминалке (дома, у друга). Делать пока нечего. Отправляю стране сообщение...» – «Как у вас дела? Что слушаете? Куда ходи-

те? Кем интересуетесь?» (Сейчас модно интересоваться кем-то, а не чем-то. Наверное, многие чувствуют себя одиночками – и объясняют этим одиночеством внутреннюю пустоту, что не всегда соответствует причинно-следственной логике личных событий). «Чем поделитесь?» (Имеется в виду чем-то о ком-то). «А вы знаете, что...» (Радуешься сам – обрадуй соседа. Сделал пакость – полегчало).

Художественное начало и творческое чутье у нас в крови, но после того, как литература начала дезорганизовываться, освобожденная фантазия сделалась принципом жизни; вместо хороших рассказов процветают теперь сплетни – те же основанные на правде произведения, но не ради эстетики и глубоких размышлений, а ради информации, ради одной из разновидностей вечного и бесконечного потока информации и новостей, которые призваны, в свою очередь, объединить мир. Многие думают, что становятся друг другу ближе через обмен мнениями на сайте – а я чувствую себя отрезанным куском. Все они со своими сенсациями противостоят мне, как невидимая армия, с которой нет пользы бороться – и я вновь и вновь вынуждена проглатывать их вызов...

«Что-то Мигель Мартинес задержался. Это из-за Ализы. Скоро она перестанет танцевать, потому что будет не в состоянии...»

Подсуетились уже!

«Они поженились тайно на партере».

На каком еще партере?

«А вы откуда знаете?»

Это уж точно!

«Смотрите, чтоб в редакции таблоида *Sun* об этом не узнали».

«Уже узнали. Ура!»

– Шарлотта, разве это парень?

– Что?! Кто?

Анна сидела за соседним компьютером и изучала музыкальные новости на сайте радиостанции Kiss 100 FM. Их было всего две: ожидался приезд гастролирующей группы Scooter, а в Соединенных Штатах вышел сингл нового певца – Джордана Шелли.

– Разве он похож на парня? Смотри – длинные волосы! Я бы сказала: «Какая классная девчонка!»

– Опять блондин с голубыми глазами... А песню можно прослушать?

– Да. Она называется «The Stormy Day».

– Узнай, какой у него голос. Может быть, фотография неудачная.

Она надела наушники и принялась шепотом делиться впечатлениями:

– Все-таки это парень. Очень грустный гитарист. Если это его хит, я хочу, чтобы он создал еще один...

В мире очень много песен, про которые она говорит: «Неплохо!» – которые пытается понять всей своей добротой и найти в каждой то, что создает неповторимость, и другое,

обратное, что роднит мелодию с целыми ежегодными сольными концертами – а значит, обнажает душу исполнителя во всей ее человеческой и творческой перспективе. Она ценит их как одноименный гений – с абсолютным интересом и полным правом: разве словесно оформленное музыкальное произведение не поддается филологическому анализу (я даже не побоюсь учебного, и тем более тошного, слова – разбор)? Энджи вытащила из Интернета не одну сотню страниц с текстами песен – и в конце концов научилась воспринимать на слух исполняемое произведение, будто слитое звуками в один слог. Кассет у нее почти не было – она слушала радио (на хрипящей колонке) и всегда могла вспомнить (или даже определить) принадлежность песни тому или иному певцу. Просто удивительно! Анна жила так глухо, окруженная бесконечными заботами, уроками, криками маленькой Эль – и знала столько музыки и музыкантов, сколько мне и не снилось. Не помню, чтобы когда-нибудь у нее были кумиры – только коллекция всех и понемногу, как на радиостанции.

Она протянула мне один наушник, но я послушала всего две секунды, потому что в это время нашла галерею Мишуткиных портретов (иногда я называю его – Мишка или Медвежонок). Он явился глазам моим в белоснежной, небрежно расстегнутой рубашке и черных брюках, развернутый на изображении в профиль; касается головы одна рука, которую он согнул в локте и водрузил на одно колено, в сторону устремлен взгляд невидящих глаз на темном и грустном ли-

це. Мне кажется, ветер дует в его сторону, напрасно шелестя тканью по коже – он, верхом на горе, непоколебимый, уже древний памятник самому себе.

Что сделает с тобой время, вечный латинский любовник, на вершине моего Олимпа?! Ты испанский принц, маленький и большой, босоногий мальчишка неподстриженными космами, у побережья своей земли – там, где я тебя не искала и уже не найду никогда. Только в какой-нибудь старинной книге еще можно увидеть знакомое чем-то имя – я словно проснулась через столетия и спрашиваю: «А что Мигель?»

– Мой Байрон, – произнесла вслух новое прозвище, – мой Байрон. Принц моего сердца. Наследник моей любви...

Слова, как ледяные скалы, – готовые разлиться от малейшей искры и затопить до смерти... Я могу видеть ветер во круг него – воздух почему-то белеет и белеет... И вот уже затягивается мутной пеленой влажная от моря его фотография... Всего лишь поэтика и дождь по глазам, моя платоническая любовь, кипящая новой силой в танце диско.

Под портретом стройными печатными буквами 12 шрифта Times New Roman следует сообщение: «Хватит смотреть на него! Он мой! Мой тигренок, мой котенок, он мой любимый малыш». Подпись: «Kate Martinez». Это, конечно, сварливая девчонка с накрашенными глазами, браслетами выше локтей и ... его фотографией на дневнике.

– Убери свою мартышку, – говорят одноклассники. И она, гордая, одна и против всех; она первая залезла на этот сайт...

Может быть, ее даже надолго хватит. Хотя вряд ли. В конце концов, она повешается на шею какому-нибудь уроду из новой компании. Всегда так бывает! Всегда!.. Я очень ненавижу ее – честное слово. Я знаю, что должна ее ненавидеть. Но на душе спокойно, легко до слез, оттого что никакой жены Мартинеса на свете не существует.

Анне пришлось пересесть ко мне, потому что кто-то пришел печатать – и компьютеров не хватало. Она восхищалась изображением на моем мониторе, а эту дурацкую надпись под фотографией даже не заметила – слишком мелко. Мигель для Анны – нечто абсолютное, совершенно устоявшееся; то, без чего меня сложно представить, будто он – мое внутреннее качество (правда, не знаю – положительное или отрицательное). Она воспринимает его как данность и будничность нашей общей жизни; он неотделим не только от меня, но и от нее, нас двоих – весьма интимной компании; он – между нами, но не из-за соперничества, а благодаря негласному соглашению. Она просто приняла его – самого лучшего парня ее самой лучшей девушке, приняла без ревности и с известным самопожертвованием. Я расценила это как доказательство любви, причем очень серьезной. Она ведь могла совсем по-другому отреагировать на необходимость делить меня с кем-то, – но сказала следующее: «Я чувствую твое сердце... и то, что оно стало больше, когда появился Мигель. Наше платоническое чувство – хоть и вынужденное, потому что ограничено обстоятельствами – повело нас на вер-

шину ангельских симпатий, и поэтому ты со своей жизнью – моя драгоценность. Как я могу не приветствовать в тебе лучших качеств? Ты доверила мне свою любовь – а она мне понравилась... Я решила, что отдам тебя только ему – и если когда-нибудь споткнешься на тернистом пути, я помогу – пусть даже жестоко, колотя в запертую дверь...» Это звучало глухо, словно сквозь сон, как чьи-то слова у изголовья – и будто часть необходимого обряда. Не знаю, где еще на земле искать лучших людей – я настолько состоялась в своей двусторонней потребности любить. Между нами тихая вода, скользкая лодочка, две протянутые ладони – и плыть хочется к звездам... и жить. Жить! – даже если она ослепнет от атрофии зрительного нерва, даже если он поседеет. Жить и знать, что не напрасно душа поет – уже одно это чудесно... Так и улетит – с памятью о лицах, с песней о главном... А тело – что оно? Бросьте в землю да полейте. Может быть, белые цветы вырастут...

– Он мне нравится. Ужасно нравится. Но я отдам тебя, когда абсолютно уверюсь, что он будет хорошо с тобой обращаться...

Галерея моя зависла, следующая картинка не спешила подвергнуться восхищению – что ж, явление не очень редкое... Мы свернули эту страницу, и Анна открыла свой сайт. Опять вылезли на глаза фотографии Скутера и Джордана Шелли.

– Послушай, наконец, песню, – сказала малышка и вру-

чила мне оба наушника. Так я погрузилась в чью-то чужую грезу – к сожалению, не было информации о том, кто является автором трека – сам исполнитель или нет. Голос у него немного хриплый, но совершенно мальчишеский; он, наверное, еще маленький, лет восемнадцати. Не могу сказать, что мелодия «Бурного дня» действительно бурная, но зато – изменчивая, одна из тех, которые строятся неясно и так же туманно оседают в голове: первый куплет переходит в рефрен, потом еще в один рефрен, а потом в припев со словами из первого куплета. Он пел о любви, но не страдающей душой, а желающей... Когда песня закончилась, она еще несколько секунд держалась в памяти и бесследно ушла, оставив приятное духовное тепло.

– Очень обидно получается, когда у певца одна композиция отличная, а остальные – дрянь. Очень часто так бывает – и разберись, кого слушать!

– Может быть, у Джордана Шелли все песни будут хорошие?

– Это, конечно, от него зависит. Но все-таки... Где можно достать сборку, на которой была бы вся моя любимая музыка? Ни в одной записывающей компании не знают, какие песни каких певцов мне нравятся!

– Тут и кассет уже не продают.

– Никакой личной жизни, – сказала я горько и автоматически переключилась на фотогалерею. И что вижу?! Знакомый интерьер со светлыми шкафами... Сидит на столе мое

ладо с шикарной улыбкой на шикарном лице. «А теперь результат усилий, – пронеслось в голове, – кухня Мигеля Мартинеса вам под окно!» Вот один из редких случаев, когда неплохо бы протереть глаза... Какое-то чувство поднималось во мне – странное, похожее на священный ужас, как будто я увидела колоссальное существо. Я смотрела на эту кухню, как на алтарь преобразования и чувствовала себя, как громом разбитый фанатик или неразумное животное, бьющееся в инстинкте самосохранения. Слабо сознавая, что делаю, я схватилась за рюкзак и подскочила, выпутываясь из стула.

– Куда ты? – удивилась Анна.

Я думала, что совершенно онемела и не смогу двух слов связать, но, к своему изумлению, прошипела ей на ухо:

– Это его кухня. Смотри! А я уйду!

На улице уже отсвечивало синим. Воздух дрожал – будто от холода! – сплошной массой, осязаемой, окрашенной материей, дождевой тучей, океаном. Его пронизывали естественные биологические импульсы, не подавленные ветром, которые роднят все стихии – как живое с живым... Этот свет входил в мои глаза, жил внутри, распираемый чувством и центробежной силой. Каждому человеку кажется, что планета вращается вокруг него одного, а для меня в ту минуту часть земного мира рушилась сверху и другая половина уходила из-под ног. Парадоксально – в движении! – стараюсь унять сердце, бежала, почти не разбирая дороги, уста-

вившись на свою мелькавшую обувь. Я могу видеть тот же сон каждую ночь, много-много часов подряд – и считаю его кошмаром, застоєм в мозгах, болезнью, наконец! Но если и днем лезет в глаза подобное видение – что думать, как разводить понятия? Была ли эта фотография реальной и обычной в ряду других, а сон – ее продолжением; или сон был все-таки нездоровым сном, перешедшим в манию преследования? Наверное, кухня мне только показалась, застряла в памяти – но есть свидетели обратного. Не может же существовать в открытую такой нонсенс, не поддающийся объяснению... Хотя нонсенсы как раз и не должны объясняться. Не знаю, что думать, не нахожу логики – а может быть, от нее я так упорно умираю?

– Эмоции в Ид! Иначе сойду с ума...

Внезапно (хотя только этого и ждала), с обрывками тупых мыслей, обессилевшая под тяжелым рюкзаком, подошла к дому, – но уткнулась в запертую дверь.

– Зэкери!! – крикнула я отчаянно, почти с визгом. Все земные ощущения вдруг снизошли на меня: ужасно обидно, холодно и тошнит. Со злостью вытащила из кармана ключ и чуть не разорвала подкладочную ткань. В комнате лежал опрокинутый стул, а парня и след простыл. Зэкери! Я послала его за продуктами, но он до сих пор не пришел! У всех свои занятия, одна я забилась в угол, потому что никому не нужна – ни в большом деле, ни в малом. Неужели я так много прошу? Может быть, только бОльших проблем... Но я хочу

– как мученик... за веру. Любовь у меня – сплошная вера... От сумерек рябило в глазах черными квадратами, и я устроила себе ночь: закрыла глаза и упала на постель.

– Не может быть такого абсолютного совпадения, – долбило в голову. – Здесь какой-то знак, знамение...

Внезапно все это исчезло и появилась другая стучающая мысль: «Есть, я хочу есть, есть, я хочу есть...»

И потом уже – ничего.

Его лицо и длинные волосы появлялись постепенно, выступая из пелены, как однажды в снежный вечер. В эту минуту он странно напомнил мне Джордана Шелли. Неужели я все еще в терминальном классе?..

– Шарлотта, Шарлотта, – тормозил меня Зак. – Что с тобой? Просыпайся! У тебя с сапог капает. Я принес еду! Ты слышишь?

– Я не буду есть, – произнесла я без всякого выражения, еле слыша собственный голос.

– Не будешь есть?

– Нет, – ответила я тверже. И сердито добавила: – ПРИТАЩИ МНЕ ЕГО РАНЬШЕ! Зак внезапно встал и ушел. Вскоре он вернулся с пачкой плавленого сыра и насильно всунул часть содержимого мне в рот.

– Я думаю, – сказал он, усаживаясь обратно, – тебе надо, наконец, с ним познакомиться.

– Как? Он ни разу не встретился нам на улице.

– Шарлотта, мне бы твои проблемы. Он же знаменитый

человек, у него полно выступлений. Скоро начнется чемпионат по парным танцам. Тебе не кажется, что стоит там побывать?

– У меня не хватит на это денег. Мы ведь договорились пойти на Скутера.

– Танцы могут назначить раньше.

– А если нет?

– Не важно. Линда возьмет тебя с собой.

Я резко села и схватилась за голову.

– Зачем туда идти? Что там делать? Не бросаться же на него!

– Именно! Беги на сцену и целуй его. Слышишь? По крайней мере, лед тронется.

– Заки, помолчи. Это сплошные глупости...

– Ты сама просишь помощи! И я говорю тебе то, что сказала бы Мари. В таких делах она никогда не ошибается.

Я устало касалась лица кончиками пальцев, потом бессмысленно посмотрела на ладони: они были в сыре.

– Мне кажется, – пробормотала я с полным ртом, – что я должна его забыть...

Малыш усмехнулся:

– Голову не жалко?

–Что?

– Мигеля Мартинеса можно ТОЛЬКО ОБУХОМ из тебя выколлотить.

Больше он ничего не добавил, скомкал оберточную бума-

гу и ушел. Я осталась со смутным ощущением, будто кто-то другой был на его месте – более взрослый, более отчаянный, точнее – отчаявшийся и пострадавший. Маленький Зак на все смотрел сквозь пальцы – и вдруг выдал такой неожиданный разговор, пусть неудобоваримый, но холодно эмоциональный, тональный, можно сказать, серьезный. В последних его словах послышалась боль, словно тщательно скрытая тайна – в полутонах. И почему это случилось именно в тот день, когда я узнала Джордана Шелли? А отчего Зак стал мыслить, как Мари? Разве он не противоречил ей всю сознательную жизнь? Так быстро мелькнуло его преобразование – или, по крайней мере, озарение – будто призрак являлся, и вот уже прежний Зак прыгает и зубоскалит в коридоре перед вернувшимися девочками.

9. Мне не стало покоя.

За год любви Мигель настолько сроднился со мной и присвоился, что его реальная жизнь утратила для меня всякое значение – и даже присутствие. Я вдруг поймала себя на мысли, что никогда не ждала о нем каких-либо новостей – и просто забыла о самом факте его публичных выступлений, забыла о его победах, забыла за него болеть. Но чего я действительно не ожидала, так это того, что очередной чемпионат состоится в ближайшее время, с недели на неделю. Меня даже испугало такое известие – эта запланированная возможность посмотреть на него. Вот так – вдруг? Сразу – и все?

Увидеть его – как нечто грандиозное, попадающее по голове; как смерть?! Что от меня останется? Как я буду отходить от этой призрачности, ведь реальной пользы не прибудет ни на грамм... По принципу – хуже не будет? Но что толку застыть на одном месте, да еще среди толпы, где каждый рад топтать оброненное сердце? Ни в одном зеркале не увидеть своих слез, а только отражать ими свет далеких ламп над его головой – это уже выше меня...

«...Тебя! А кто ты такая?» Действительно, кто я? Руки? Мысли? Голос? Или множество голосов? Все ли я, что есть во мне? Разве нет в человеке противоречивых склонностей с разной логикой доказательств, которые делают его то великодушным, то мерзавцем, причем на равное время и через равные промежутки?

«Пойдешь, – ядовито заметила другая сущность, – отправишься во что бы то ни стало. Перед продажей души своей ты бы колебалась чуточку дольше...» До чего же противный голос, я просто слышу, какой он противный! И так плохо – а тут еще надо мной смеются. Однако, совершенно непонятно: осуждают или нет? Или только подтверждают, открывают глаза? Мне кажется, что многие вещи я стала называть не своими именами – в итоге утратила чувство меры и полярность хорошего-плохого. Всякое настроение вооружает меня новой ложью. Сказала: «Все – или ничего!», – но тут же, через день: «Пусть хоть шерсти клок!...» Раньше я думала, что обладаю внутренним голосом, который из-за своей глуби-

ны, конечно, более разумный. Позднее с этой иллюзией пришлось расстаться, потому что два-три чудовища во мне точно сидят – готовые друг друга загрызть. Все они оказались внутренними голосами, глубинными сущностями, вариантами судьбы, которые я не могу идентифицировать, классифицировать, избрать или отбросить, потому тогда произойдет перемена, устремленность в одно, ответственность за это одно. А я – боюсь ошибиться... Я до сих пор верю, что во мне должно быть что-то разумное, но все так перемешалось – и сделалось одинаково безумным, гениально безумным, но сулящим равнозначные потери. Глобальная проблема: или Мигель, или моральный устой – несколько устарела, наверное, потому что однажды я, по принципу «клин клином вышибают», добавила ей значимости: или Мигель в рамках морального устоя, или НИКАКОГО МИГЕЛЯ (!). Это звучало уже хуже... Но даже здесь неизвестно, что более правильно. Быть зависимым от собственных сомнений – дело неблагоприятное. В самом деле, где тут разумное решение: остаться дома или пойти посмотреть на Мигеля? По-моему, учитывая одинаковый результат, оба они совершенно абсурдны – и в этом выборе я неминуемо буду громоздить глупость на глупости. Если пойду – это будет слабость, если не пойду – дурость, ненужный героизм. Надо бы хоть выяснить, где меньшее зло – а я понятия не имею как. «Пойдешь, – оправдывается сердце, – через унижения к Мигелю...» – «Но разве в этом зале, – скорбно говорит еще кто-то, смахивающий на

разумного, но, наверное, тихо помешанный, – будет настоящий Мигель? Это впечатление – слишком сильное, чтобы стать приятным. А я, как зомби, стремлюсь туда, где страдание больше, где оно новее...»

Значит, назло не пойду! Или наоборот?.. Если ты лишишься своего страдания, то будешь терзаться только сильнее... Интересно, кому я хуже делаю? И главное – за что? А может быть, это вовсе не я? Хотя оттого, что я – это я, я всегда и страдаю... Пугают на ощупь пересохшие губы, как у страждущего. Отсчитывает организм земную жизнь. К вечеру темнеет в глазах – и все надежды возлагаются и откладываются на завтра. К заходу солнца я опаздываю, желтого света в ее волосах еще сутки не увижу. Мысли уже вплетаются в строки печатной книги. Оказывается, все это время я читала. И даже что-то выучила – но не меньше, чем было задано. Всегда так получается, что я делаю одно, а думаю одновременно о другом – это у меня с детства. Получаются невиданные ассоциативные ряды: информация усваивается в образах. В свое время математические логарифмы напоминали мне тележки, где возничий – маленькое число внизу, которое называется основание. Дробь представлялись двухэтажными домами, формулы – табакерками с секретами, потому что с первого взгляда не удавалось определить, кто в них живет и что в итоге выскочит. Но я перестала быть формальным фантазером, обожаю теперь все маркирующее, запоминающееся, внешне странное и лишь субъективно объ-

яснимое: если имена литературных героев звучные – готова прыгать от восторга. Слова овеществляются, то нравятся, то нет – и всегда разбегаются, из-за чего приходится вооружаться цветными карандашами и заключать в рамки целые абзацы. Мысли расходятся с содержанием настольных книг, как и произведения мои не всегда вяжутся со своими заголовками. Часто на лекциях пишу между строк совершенно чуждое теме, но материал запоминается лучше именно в тех местах, где творится нагромождение. Я могу даже гордиться, что работаю одновременно на разных уровнях сознания, а на самом деле у меня просто не хватает времени каждым делом заняться отдельно. Приходится учить часами, вдалбливая в голову одну-единственную статью, потому что у меня с рождения нет ни понятия, ни памяти. А когда же мне разгребать накопившиеся чувства и писать по их мотивам романы? Я уже даже отдыхать не хочу – а только думать и думать! Ночь помогает, потому что я не сплю. Когда сижу за столом, то часто после 24 часов по местному времени мои думы становятся слишком непоследовательными: то на половине мысли исчезнут, то вспыхнут с несуществующими подробностями... А уж когда появятся красные человечки – не остается никакого смысла бодрствовать. Но стоит погасить лампы и коснуться подушки – все стройно начинается сначала, и я не могу забыть. Ужасная усталость шумит, не дает сомкнуть глаз – и тогда думается, думается и думается.

Лишь закат отгорит в волосах Энджи – и она тянет меня в

постель. Если я уступлю, то не усну потом от возбуждения... Но она все равно не спит и ждет меня до глубокой ночи, а потом мы говорим. День совсем не сближает, хоть и делит нагрузку на двоих – при свете совсем другие обязанности, даже по отношению друг к другу. Мир кругом шумит от ритма, иногда бывает весело, и только после блеска сквозь прическу спускается под окна тишина – и даже темнота кажется ее следствием, абсолютной глушью. И мы говорим, как в театре, натянутыми голосами – а все равно, кажется, тихо. В зрительном зале темнота и беззвучие... Анна по ночам тоже не может успокоиться – говорит, что это посттравматическое расстройство. Я не знаю, когда она все-таки засыпает и даже не замечаю, в какой момент обрывается разговор – словно ухожу в себя, сосредотачиваюсь на недосказанном. Утром меня обычно теревит Зак, а ее уже нет в комнате... Сама я вижу сны только на рассвете, когда пора вставать. Естественно, что пробуждение мое отчаянное и скандальное.

Бесконечные думы взяли верх над моим существованием, большинство поступков, которые мне хотелось бы примерить, я совершаю мысленно. Это как во сне перед ответственным заданием: чудится, будто уже все сделано, сдано, одобрено... А просыпаешься – и с ужасом думаешь, что все еще только предстоит. Жить у меня нет сил: ни физических – а поскольку «в здоровом теле здоровый дух» – то и ни моральных. Вечерами очень часто я чувствую себя голодной – и это естественно, потому что после ужина может пройти ча-

сов шесть-семь упорного умственного труда. Но приходится терпеть – не могу же я наесться на ночь! А долгожданным утром я просыпаюсь, к своему ужасу, абсолютно без аппетита, совсем не к столу – и кусок не лезет в горло. Полстакана чая – и будь здоров! Обеды у нас вообще не практикуются – без них я хую. Кроме того, можно здорово сэкономить и накопить очень небесполезные суммы; благодаря их отсутствию увеличивается усталость и к вечеру появляется приятное чувство удовлетворенности испытаниями... Я сама хотела, чтобы будни были бешеные и насыщенные – это хоть как-то отвлекает. Дел очень много – и есть все равно некогда: полдня идут лекции, потом надо бежать на остановку и ехать в спортклуб, потому что за столом можно досидеться до собственной окаменелости с последующей ископаемостью. В автобусе начинаем готовить уроки – и то, что мы жуем между делом, трудно назвать полноценным обедом. Мне приходится хуже всех! – они-то хоть завтракают... Долго ли, коротко ли, наступает ужин (регламентировано в восемь часов) – моя единственная отрада, когда я, наконец, отбросив все утренние тревожные предчувствия и дневные ритмы с какими уж есть результатами, могу угощаться. А потом я сижу и ничего не делаю – тридцать минут или больше, в зависимости от того, сколько длится обязательная тошнота с режью в правом боку... Но я не жалуясь – кому будешь жаловаться на свои недостатки? Я борюсь с ними, как могу. Например, уже знаю, что в горизонтальном положении все про-

ходит быстрее. А еще придумала игру с инстинктом самосохранения. Я очень тяжело переношу боль, и когда становится особенно плохо, мне хочется сказать: «Пусть ставят плохие отметки! Лишь бы кошмар закончился...» Вместо этого я твержу: «Пусть, пусть болит..., лишь бы Мигель полюбил меня, лишь бы Мигель был со мной!..» Так я учусь его любить – сильнее и крепче.

Не знаю, как я все еще удерживаю книгу в руках, как мне удастся окончательно не пасть духом, не скатиться... Раньше это было моей единственной целью, я мечтала о прогрессе – а теперь сил хватает лишь на то, чтобы сохранять позиции... Когда разрушается автономность призвания, распадается на несколько частей, усилий человеческих на каждое поприще приходится все меньше, – и это просто, как в математике. Желания мешают друг другу, противоречат, любая неудача отзовется эхом несколько раз, вызовет ряд одновременных и равнозначных неудач. Разве плохое настроение, полученное за порогом, не отравляет потом жизнь в стенах? С памятью о старой привязанности стремлюсь я, но при этом еле удерживаю себя в рамках благоразумия. На что годится знание в безумной голове, какие плоды оно несет, какую изобретательность? Но разве могу я позволить, ЧТОБЫ ИЗ МЕНЯ НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО?! Жестокий гений – тоже гений, и в конечном итоге, уже нет разницы, отчего в свое время ослепло сердце – от односторонней умственной жизни или от безответной любви. Бог милостив! – возможно, литера-

тура в моих руках не так страшна, как могла бы быть химия или физика. Вот единственный выбор, который я сделала по всем правилам взаимоисключения: в школе эти предметы прекрасно совмещались, но потом они превратились в разные профессии, в разные исследования, в разные мышления и судьбы. Если бы я уже тогда не была надорвана, я бы обязательно попыталась объять необъятное и, скорее всего, закончила бы кровоизлиянием в мозг. Мне хотелось летать – на самом деле, а в итоге «Полетом» я называю свой роман... И пусть кончатся на нем мои нервы – зато организм спокоен, что какой-нибудь новой технологией взрыва гениальную голову точно не снесет. И мы целую жизнь будем тратить на то, чтобы описать желаемое, но потерянное, возможное, но не выбранное! Может быть, это непонятное и ненужное признание, но у него есть веская причина – биологическая. То, что гниет в земле – ей на пользу; то, что гниет в живом – рано или поздно тоже станет гнить в земле с аналогичной пользой, а всякое живое до смерти будет поступать эгоцентрично, вопя о своей ране...

Как бы там ни было, но выборов я больше не делаю – даже под угрозой пресловутого кровоизлияния; мне все равно. Нет человека – нет проблемы! Но пока я живу – слишком больно постоянно что-то терять, даже в угоду другому. По сему болтаюсь между небом и полом, мысленно и душевно парю, то немного повыше, то чуть съеду – эдак лавирую... Представляется мне машина, какой-нибудь механизм,

но только совсем, бедняжка, разломанный – и все равно трогательно и беспомощно гремит он пружиной, пытаясь выполнить свою функцию. Сознание в этом смысле выигрывает больше. Если заклинит, оно способно саморегулироваться: где-то сбросит лишнее в Ид, где-то вытащит в последний момент что-нибудь спасительное... Очевидно, благодаря именно этому процессу и уживаются Мигель и Учеба... во мне (не знаю точно где: в голове, в сердце, в душе, в нервах, в крови?). друг с другом почти они уже сродняются, друг в друга вгрызаются, друг друга портят – сами того не замечая, а совокупностью своей портят меня. До такой степени, что иногда я даже **УЖИН НЕ МОГУ СЪЕСТЬ...** Потому что меня **ТОШНИТ ОТ ЭТОЙ ЖИЗНИ...**

Могу сказать, что проблемы бывают разные, причем бывают и полярные: приятные и неприятные. Приятные проблемы еще можно как-то терпеть, а неприятные спустя какое-то время уже не столько беспокоят, сколько надоедают и бесят своим присутствием. С этой точки зрения проблемы выбора не исключение. Дилемма между карьерой и любовью, какой бы тяжелой она не была, все-таки больше приятна, хотя бы потому, что можно попытаться найти третье решение, компромисс... А вот раздражающий вопрос «пойти или не пойти смотреть на Мигеля», учитывая одинаковый исход дела в любом случае, хочется побыстрее от себя отодвинуть, переложить на кого-нибудь – и не думать больше ни о нем, ни об его разгадке. Я уже не помню, как скоро я отупела, но

решить ничего не решила и положила на самого крайнего – на судьбу, на обстоятельства. На моих глазах разворачивается следующая длинная-предлинная картина: из пункта А и пункта В выходят одновременно два поезда (условно Мигель и Скутер). Кто приедет на мою станцию раньше – неизвестно. И только сердце колотится все глуше, представляя, как они двигаются навстречу друг другу и уже почти не избегают столкновения... Если оба мероприятия назначат на один день, мне придется слушать Скутера, потому что все наши идут на концерт – и просто некому будет выносить меня с чемпионата парных танцев... И вообще – когда это еще будет! Главное, что сегодня утром все сложится хорошо, и завтра можно проснуться спокойной. И есть шанс дожить до конца недели. А может быть, я и не узнаю, когда состоится чемпионат. Некогда мне узнавать!

Шли дни за днями. Друзья купили билеты на концерт – четыре штуки... А я, пока суд да дело, принялась играть в теннис.

10. С самого детства ничто так не давило на меня, как общество, его мнение и присутствие, его лица, его инстинкт всюду толпиться и одинаково протестовать и против сильных, и против слабых. Мне казалось, что каждая моя неудача множилась в их глазах, становилась огромной и осмеянной – я почему-то считала, будто всем есть какое-то дело до моих трудностей. И при этом они меня совсем не видели... или не

хотели замечать, что еще хуже. Но когда они делали вид, что споткнулись об меня – сами только больше мешались под ногами... Чем-то они были горды – да только чем? Я не поняла. Я только смеялась над ними... смеялась сквозь слезы. Моя избранность служила самой себе, она выбрала свою индивидуальность не оружием отпора, а средством невооруженного отступления в невоенное время, то есть ограниченности и процветания в собственных пределах. Мне пришлось идти общепринятыми путями (или, по крайней мере, исторически принятыми), но успеха я добилась только там, где каждому предоставлялся отдельный участок дорожки и личная ответственность за скорость продвижения. А на волейбольном поле все эти люди, «эти дети» набрасывались с упреками, что я слишком часто пропускаю мячи. Они так кричали, так проклинали меня за мои ошибки, как даже я сама себя никогда не кляла, хотя собственные оплошности всегда обходятся человеку дороже. Одноклассники думали, что я им мешаю, а на самом деле – они мне все портили! Я бы ушла – но не могла же я играть одна. Потом мне выбило суставы больших пальцев... Довольно грустная история! Я ходила с завязанными руками, а некоторые распускали слухи о моем притворстве. Ноэль, наверное, все это слышал и считал меня законченной неудачницей... С тех пор в повторяющихся снах часто появляются разноцветный зал, солнце сквозь продолговатые окна и волейбол, историю которого не удалось мне украсить своим достойным именем. Может быть,

мой брат, – драгоценный близнец, – лучше бы справился с этим делом. И я мечтала, что вот-вот он войдет и покажет всем настоящую игру... Как мне тогда не хватало парня рядом с собой и внутри себя! А тренер говорил мне сойти с поля и посидеть на лавочке – и я сидела, теребила на коленях ткань спортивных штанов, а в своих глазах даже без зеркала видела затравленную бесконечную обиду...

На улицах я пыталась счастье в бадминтоне. Шумное общество сокращалось до одного-единственного партнера, а шарик был такой маленький... Казалось, эта игра больше для души, чем для видимости, но даже от лучших друзей выслушивала я всплески раздражения:

– Что ты за человек? Почему ты все время мажешь? С тобой не играешь, а стоишь...

Удивительно складывается жизнь! Если не сбывается, не получается – зачем тогда непреходяще хочется, превращаясь в страсть, а после в боль? Склонность преследует душу, но тело тянет к земле, хоть и не чувствует еще смерти... – почему-то противится успеху... Вряд ли я мечтала о спорте – я была просто очень подвижным лохматым ребенком, и мое движение требовало обыкновенного физического удовлетворения. Но, может быть, меня привлекал бой без правил, а игра оказалась слишком зависимой и ограниченной? Разве я не бегала быстрее всех, за что получила прозвище волка? Разве не я была чемпионом двора по прыжкам? У малышей раскрывались рты, когда появлялась на улице мрач-

ная грубоватая девочка с огромной черной скакалкой: хоть по десять «бантиков» подряд вперед и назад могла продемонстрировать она с атлетической легкостью... Это было так непостижимо, что зависти просто не оставалось места. Они даже не ссорились со мной, знали, что мне силы некуда девать и своим тяжелым резинным жгутом могу отхлестать до рубцов. Разве всего этого не было?

Да, они умели ползать по вертикальной трубе, но разве я от них отстала? Я слишком хорошо помню, как там наверху становилось страшно, как раскачивался под головой толстый слой разломанного асфальта, когда мы висели на турнике вниз головой – и как один мальчик насмерть разбился, свалившись на острые камни...

Да, они вращались вместе с качелей в воздухе. А у меня кружилась голова – и я почему-то точно знала, что если рискну перевернуться, то не удержусь и упаду... с абсолютно всеми раздробленными костями. Существование представлялось мне тогда настолько прекрасным, что я не могла закончить его даже на этом неслабом трюке. Но разве не я, высоко раскачиваясь, спрыгивала с сидения, рискуя получить глухой удар в затылок? Разве не я подлетала так, что врезалась ногами в листья на деревьях – а зарытые опоры в это время прыгали и разбрасывали землю? Господи, чего только не было в жизни! Но почему же я не стала лидером в спортивных играх, отчего? Когда во мне прибавилось интеллекта и здравого смысла, когда появилось желание че-

го-то упорядоченного (пусть и по-прежнему стремительно-го), общественного (в хорошем смысле, не развратного, не модно-культурного), когда понадобился успех, приносящий пользу, а не славу – меня друг обозвали столбом и разиней... Буду жить сто лет, но не пойму ни природы их превосходства надо мной, ни причины моего внезапного страха перед ними.

Вот так сложился у меня во взрослой жизни очередной комплекс. Я избегала шумных компаний, мероприятий, где ответственность одного есть ответственность всех, старалась не думать о спортивных залах и даже почти отказала себе в движении... Совершенно переродилась, взяла окончательный реванш, уткнувшись в книгу. А спина часто болела...

Наверное, человек не прав, когда сдается. Но пусть он хотя бы внешне бездействует, а не внутренне – другими словами, пусть останется верным своей душе, если на большее не хватает сил. Мечтать для иных еще лучше, чем реализовываться. Радоваться исполненному всю жизнь не будешь и за миг самодовольства понесешь убытки. А в мыслях все, чего мы жаждем, представляется легким, ожидающим нас через какое-то время. Существование скрашивается, наполняется смыслом. И разве на разбитых надеждах не основывали гениальных произведений искусства? А полностью капитулировать, перестать думать, отказаться от ценности, принизить ее, даже спасаясь от лишней боли – это слабость, которая исключает из жизни дополнительные смыслы, на-

дежды и впридачу обедняет душу. Забытая мечта заставляет стыдиться прежних желаний, прежнего склада духовных потребностей, прежних нас. Нереализованные возможности, что нерожденные дети – и те, и другие превращаются в вопиющих призраков, не нашедших своей души. Расплачиваемся сплошь и рядом: то наши мечты сбываются у посторонних людей, то мы сами бываем ошарашены уже ненужными событиями. И если из-за этого не провалится очередная, пока актуальная мечта – хорошо...

... Он снова мне встретился, в коридоре более светлом. С прежней улыбкой шагнул навстречу.

– Привет!

Я за ним просто повторила:

– Привет!

Анна непонимающе дернула меня за рукав. Но Экери сразу догадался, чьи конфеты ел в вечернем автобусе.

– Поклонник... – пробормотал он. Анна вспыхнула и неловко застыла между стен.

– Что это с ними? – спросил парень.

– Они просто дети, – ответила я. – Не обращай внимания...

– А как твои дела? Вернее... Извини – как твои РЕКОРДЫ?!

– Нормально.

– Не зацикливаешься?

– Зацикливаюсь...

– А не пробовала сменить программу? Например... зайти туда... – он указал налево.

– Это рекорды не по моей части. Я не умею играть ни во что.

– Научишься!

– Разве я могу научиться? – спросила я смиренным и уверенным тоном, не сводя глаз с его глаз.

– Конечно, – кивнул он. – Положись на меня! И добавил:

– Не улыбайся так грустно. Удачливые девушки должны весело смеяться.

Я вдруг смело спросила:

– А шикарным девушкам... можно улыбаться грустно?

Он молчал несколько секунд, словно оценивая мои воспоминания, и странно менялся. Серьезность, доведенная до напряженности, и светский тон сменяли друг друга на его лице.

– Ну хорошо... – произнес он. – Тебе все можно, моя Кармэн!

Я вздохнула и представилась:

– Шарлотта!

– Макс!

Только руки своей он мне не протянул, наверное, сразу понял, что я не пожму ее...

Когда знакомишься с кем-то, никогда не можешь сразу показать свою душу и сущность – как-то стараешься приукрасить себя, опираешь на тактичность. Потом обязательно

где-то споткнешься и уронишь маску воспитанности, блеснешь характером... возможно, к всеобщему разочарованию. Сознательно демонстрировать свою душу так же скоро, как непроизвольно демонстрируются недостатки – не принято, но именно без понятия о внутреннем мире и осуждают нашу сущность. Мы нагружаем людей своими проявлениями, своими «следствиями», а «причины» оставляем себе, в себе... Мы огораживаем от всех наше «личное дело» – а другие в это время расхлебывают наше «личное» безумие. Возможно, в этом одном проявляется власть индивидуума над обществом – навязывание своего образа, минимум объяснений, внедрение необходимости думать о чьей-то личности (или хотя бы персоне). Вот только обществу от индивидуума отказаться намного легче, чем индивидууму от общества...

Я пришла потому, что он меня пригласил. Потому что прилично выглядел. Потому что молодость склонна к увлечениям, даже если стоит на консервативной жизненной позиции. Потому что везде есть соблазн – который, если подумать, служит весьма благородной цели: пытаться вновь и вновь. Я снова, спустя годы, сидела на скамейке, наблюдала, как парни играют в волейбол..., смотрела на него. Он заметил меня, и я едва уловила его улыбку, потому что между нами постоянно мелькали чужие лица. Потом мы пошли на корты, отыскиали себе местечко и махали ракетками – но я большей частью не в нужный момент и не в нужном направлении... Даже позориться приятно, когда поощряют! Ни-

какой определенной цели я перед собой не видела; не было даже желания обыграть его, не то что потребности. Когда у него, единственного, хватило на меня терпения, мой недостаток автоматически превратился всего лишь в особенность, очаровательную и простительную. Макс говорил, что ему нравится смотреть, как я, растрепанная, покрасневшая, заинтересованная, бегаю по всему полю за мячиком... А меня-то больше интересовало его восхищение, которое заставляло гордиться своей неисправимостью. Я играла – это главное, это мой кайф, и то, что мне позволяли свободно играть так, как получается, быть собой, на короткое время составляло счастье моей жизни, ибо радость и самодовольство, именуемые счастьем, актуальны лишь мгновениями, просветами. Я прощала себе неловкость – отчасти по привычке, немного из-за усталости грызть себя, а в основном благодаря другим, завладевшим мною, чувствам. Я жила уже одним мгновением, одной этой игрой... Мне тоже нравилось, как он бегаёт по корту – в футболке, растрепанный, покрасневший, заинтересованный...

После наших тренировок он приглашал меня в кафе, которое располагалось тут же, между коридорами, почти домашнее и совсем крохотное, никак не больше медового пирожного, которое мы делили чайными ложками на одном блюде. Зэкири постоянно зависал вниз головой и не хотел выручать, а отказаться от игры я не могла... И так случилось, что мы с Максом начали проводить вместе несколько сво-

бодных минут. Я узнала, что он учится в районе Блумзбери в Лондонском университете...

Я перестала танцевать, сбегала от Линды, пряталась от нее в спортивных залах. И мы играли в теннис с четырех до семи три раза в неделю. А потом у меня случайно получилось удачное движение и с тех пор повторялось как профессиональный прием. Оно придумалось, именно придумалось – без моего участия, без мысленного усилия. Рука сама развернула ракетку – и так оказалось гораздо удобнее, шарик больше не падал: хоть самым краешком ободка, но мне всегда удавалось его задеть. Казалось, он сам стал медленнее летать, и у меня было достаточно времени проследить полет. Я себя чувствовала подготовленной! – это такое приятное ощущение... Им заканчивается трудовая часть ночи, когда внутренний голос совести ободряюще шепчет в совершенно квадратную голову: «Уроки сделаны, уроки сделаны...» С ним я писала тест по английскому языку... Это чувство уверенности в завтрашнем дне, в том, что ничего плохого не случится и ошибка исключена... С каждой новой удачей теннис все больше и больше становился делом жизни – как будто это я первая его изобрела и сделалась первым чемпионом. Вновь захотелось обзавестись собственными ракетками и увезти их на зеленую поляну, чтобы играть и играть вечерами, когда жара спадает...

Мы сидели в кафе. Чай стыл, но Макс не замечал ничего вокруг.

– У тебя талант, – твердил он. – У тебя большие способности к теннису!

Я только посмеивалась да ела уже его половину пряника.

– Чем ты еще занимаешься? Танцами? А гимнастику делаешь?

– Конечно! Я по утрам всегда встаю как деревянная.

– Тебе следует взяться за гантели, чтобы разрабатывать плечи.

– Могу здорово накачаться...

– Это уже не твоя проблема, а твоего партнера, которому ты со всей дури вмажешь в лоб воланчик...

Я не переносу громких звуков, а тут кто-то хохочет и хохочет прямо в лицо – и понятно, что я попалась и сама перед собой позорюсь. Как же это глупо – годами страдать из-за тенниса и вдруг научиться играть за две недели. Всегда ли так могло быть или пришла подходящая пора? Неужели 10 лет назад успех достался бы с той же легкостью? Может быть, это было изначально заложено как личная характеристика – только я не знала, хоть и догадывалась? Пусть теннис и не моя судьба, не моя заветная цель, без которой уже и жизнь не мила, но он – звено в последовательности моих смыслов. Я всегда хотела, чтобы на этой земле у меня было движение, а не местоположение – дорога с тропинками внутрь личности и вдоль мира; путь, яркий, насыщенный, со множеством дел, увлечений, достижений. Мне нужно было чувство гордости за себя – даже не слава, потому что она все больше становит-

ся аморальной. Столько планов я стремилась уложить в один срок, будто моя жизнь насчитывала всего несколько лет. Но от спешки много начинаний рассыпалось, как кубики, под неумелыми детскими руками. Наверное, поэтому я так рано почувствовала себя старой и несостоявшейся. Успехи мои остались односторонними, заикленными, а что-то оборвалось, причем крайне глупо, и начинать это снова уже поздно, потому что выросла да потеряла гибкость или единственную возможность. Я, например, очень громко пела и в 5 лет изъявила желание поступить в музыкальную школу. Что из этого вышло? Меня поставили перед круглой тетей в круглых очках, сидящей за пианино, которая велела мне воспроизвести на высокой ноте всего два слова «два кота». Я ужасно постеснялась, даже была возмущена немножко, упорно молчала и думала о том, как она сама не понимает, что приличный человек не будет петь такой вздор! Серьезного ребенка вывели в коридор, а родителям доложили о полном отсутствии слуха и голоса... Это все равно, если получить в аттестат старую тройку по математике за первый класс и потом постоянно не набирать величины проходного балла в университет. Кому докажешь, что складывать и вычитать числа до десяти уже давно научился... Так и приходится расплачиваться за старые грехи, ошибки, детскую непредусмотрительность.

А мне теперь бросили под ноги растерзанный теннис, чтобы я еще лучше осознала, чего лишена была долгие годы, пока душа просила да отпросила. Пережитая мечта – это труп,

и все происходящее потом происходит не в свое время, все это уже больно, горько и обидно. Так же и любовь у слишком верных людей отгорает в суррогат. А казалось, наверное – катится прямой дорожкой да в рай... Я десять лет пыталась завоевать сердце белокурого Ноэля – и стоило мне влюбиться в другого, как появляется блондин с добрыми серыми глазами! Даже не знаю, плакать или смеяться...

... – С такой-то меткостью тебе пора переводиться в тир.

– Не слишком ли часто я перевожусь?

– Это неудачная шутка, потому что неактуальная. Я тебя сам не отпущу. Но разве в той прежней жизни не казался тебе уместным... ветер перемен?

И вдруг его ладонь легла на мои пальцы... Словно взрыв..., новый удар в спину... Знаменитая песня Scorpions с подобным названием предстала передо мной до последней ноты: жестокая и ласковая – и хочется реветь, как от взгляда на великое... Я почувствовала, что попала не в свое кино. Мир какой-то вертится-вертится вокруг: люди, события, предписанные чувства – а мне как поступить? Я не учила этой роли; если мне и предлагали что-то подобное, то уже давно получили отказ. «Wind of change» – слишком известный хит, чтобы вновь, как в первый раз, поразить своей душераздирающей властью... И для меня все новое – всего лишь хорошо забытое старое...

– Нет, – сказала я резко, отодвигая тарелку, – «Obsession» – лучше!

Не тогда ещё сердце дрогнуло... от близости, данной и невымученной. Он ничего определенного не говорил – а я не мечтала зря. Насколько теннис сближал нас во времени и пространстве, настолько же и разделял – в мыслях, во взглядах, в ответственности друг за друга. В игре рождался мой восторг от его присутствия, от его вида – поэтому я почти убедила себя в том, что встречаюсь с ним только из-за тенниса. Появление в совокупности предопределило и некоторую их зависимость друг от друга, но в моем восприятии, совершенно несовместимые, они взаимно обесценивались в самом главном – в том, отчего я окончательно бы потеряла голову... Постепенно я стала воспринимать весь этот нонсенс в совершенно формальном смысле – как знак моего везения и как весть о будущей продолжительной удаче. Если сбылось одно – сбудется и другое, тем более что сбываться начало с самого начала. Слишком много было тогда во мне наркоманской боли, требовавшей продолжения – а никакого серьезного препятствия я ещё не встретила... Выступление Мигеля ожидалось через 44 часа после выступления Скутера и обещало выбить из меня лишнюю дурь...

Однажды Макс встретил меня у входа в клуб и сказал, что не сможет остаться и играть, потому что на факультете объявили дополнительное занятие. Я кивнула: это обычное дело, нас часто так же терроризируют. Придется мне терпеть Линду – не ехать же домой в такую рань... Моросил снежок, камни слегка припудрились. За день сто раз подсыпает этой

пыли – и вновь она тает, освежая тротуар.

– Послушай, – сказал Макс, – может быть, ты проводишь меня до университета? Тут недалеко ехать. Я познакомлю тебя с товарищами...

Я дала себя увести. До какой степени стали безразличны мне танцы! Он взял меня за руку, и она словно онемела, не шелохнулась ни единым движением ни «за», ни «против». Я шагала и вертела головой, периодически теряя ощущение чьего-то прикосновения; только было очень неприятно, что люди все видят. Каждый волен думать, как ему заблагорассудится – и страшно представить, сколько догадок, не соответствующих действительности, я могу вызвать подобной прогулкой.

– Это не предательство, – твердила спасительная мысль. – Это так... Мир вертится! Сегодня так получилось, завтра уже по-другому...

– Две очень милые девушки. Я всегда делаю с ними все проекты, – тем временем рассказывал Макс.

– Как их зовут?

– Алойк Каваливкер и Джейн Деметра. Они тебе понравятся!

– А они слишком неприветливые?

– Не слишком.

Он рассмеялся:

– Смотри, Шарлотта, как бы они не подумали того же самого о тебе!

Я решила непременно улыбаться. Зачем осложнять человеку жизнь – пусть думает, что я в восторге от его подружек. Кроме того, это знакомство продлится несколько минут, а потом мы, возможно, никогда не встретимся или не узнаем друг друга.

Мы пересекли на автобусе пару улиц с широкой панорамой и углами достопримечательностей и вышли на первом же повороте. Институты были окружены аллеями самых различных форм и траекторий: прямые, чуть наискосок, закругленные, с клумбой в центре, пересекающиеся, исчезающие под навесом рекламных щитов... Как странно было видеть ещё один университет, дивный светоч, который касался ботинок парадными ступеньками и взмывал выше головы. Это, наверное, годами воспитанная дань, приветствие, память о первой робости, привычка, инстинкт – хочется замедлить шаг и подойти к корпусу тихо-тихо, украдкой, весь его окинуть взором, переложить на себя, спроецировать, почувствовать мнимое падение, пересчитать глазами этажи и упереться взглядом в небо, которое освещает нас друг для друга... Ощутить прежнее домашнее чувство, приязнь, притяжение – все то, что роднит чужого человека с чужой землей, и осознать себя гражданином мира! Чем-то похожи эти окна на любой подобный элемент архитектуры – те же блики на гладких поверхностях, так же можно разнести в стеклянную пыль... Может быть, кто-то машет палочкой волшебной – слишком умный, в сановном колпаке? Но Макс тащит

за руку, и нет возможности остановиться – у него, конечно, другое мировоззрение, и вдобавок он спешит. Толпа вырывается из дверей, толпа стремится попасть внутрь, я среди толпы, в которой трудно разделить направления – и опять меня неправильно поняли. Все думают, что я студентка этого заведения – но они ошибаются. Целый день вокруг ложь и невежество.

На окне сидели две девушки – картина каждодневной привычки и уже некоторой усталости.

– Девочки, это Шарлотта. Прошу любить!..

Одна из них решительно отложила книгу, поднялась навстречу и протянула мне обе руки.

– Алойк, Лаки или Лёлик, – сказала она резким и отрывистым голосом. – Можно по-разному. Особо творческим разрешается воспользоваться собственной фантазией.

Я изобразила запланированную улыбку и устремила на нее свой пронизательный и до неприличия упорный, изучающий взгляд, который ее совсем не смутил и не вызвал протеста. Фрагментами бросился мне в глаза ее образ: длинные разлохмаченные пряди чуть волнистых черных волос, слишком яркие губы (вовсе не косметический эффект!), огромный горбатый нос, глубокий вырез голубой блузки, сиреневые тени вокруг накрашенных ресниц... Ее можно было бы назвать модницей, но резкие, порывистые манеры придавали небрежность как стилю, так и внешности. Она все делала быстро, далеко отбрасывала мешавшие предметы, гром-

ко говорила и не любила отмалчиваться ни по какому поводу; в ее натуре чувствовался победитель и мореплаватель – нечто цельное и реализованное; именно у таких людей образ жизни полностью соответствует образу мыслей. В ее глазах сквозило много мужского, орлиного – подчеркнуто вызывающего и храброго, но, как знать, может быть, с орлиным взором я перепутала отчаянный, даже коварный взгляд поистине восточной красавицы.

Вторая девушка – это, конечно, была Джейн – явно предпочитала стиль более спортивный. Тона ее одежды успокаивали, как-то скругляли, скрывали малейший вызов. Лицо точеное с еле уловимыми линиями под слоем белого тонального крема; волосы, как стрелы, прямые, ровно подстриженные, темные без малейшего отлива – все какое-то ненастоящее. И контрастом – яркие проявления живой личности: мелодичный (но не трепетный, на последнем издыхании), довольно интересный на слух голос и глаза неопределенного переливающегося цвета. Они были бездонные и томно манящие своей таинственностью, но при этом скромно занавешенные... туманом, какой-то пеленой отчужденности и робости. Вот это странное, умело подчеркнутое смирение вполне могло оказаться способным на подлость, низенькую и мелочную, как иголочный укол в чье-то больное место. Ее присутствие я ощущала довольно слабо, возможно, из-за очарованности ее подругой – да и она проявила ко мне совсем поверхностное отношение, вернее, вообще ничего не

проявила. По-моему, Джейн совершенно зависела от Алойк и принимала все, что та одобрит – всего лишь принимала к сведению, без личного участия, без комментариев.

– Знакомство надо отметить, – заявил Макс и моментально вытащил из рюкзака бутылку с содержимым розового цвета.

– Отличная наливка! – воскликнула Алойк на весь коридор и немедленно занялась неизвестно откуда появившимися в ее руках пластиковыми стаканами.

– Подождите, – сказала я, – это, наверное, алкоголь?

– Красное вино, – произнесла Джейн.

– Ах, боже мой, – возмутилась Алойк, – вина здесь не больше, чем ликера в ликерной конфете. Сушее баловство, даже не бодрит как следует.

– Шарлотта, ты обязательно должна попробовать, – заметил Макс. – Этот напиток называется «бадминтон»!

– Неужели?..

– Оставь ее! – оборвала Алойк этот разговор. – Ты же знаешь, в алкогольных, музыкальных и сексуальных вопросах я ненавязчива.

Стаканов было три, и «бадминтона» хватило ровно на три порции – наверное, судя по такой точности, они часто пили втроем.

– Вы идете на Скутера? – спросила я, обращаясь, однако, лично к Алойк.

– Конечно! Без этого мы не обойдемся. Мы первые – все-

гда и во всем... Ваше здоровье!

Она вновь устроилась на подоконнике, грациозно водрузив одну ногу на другую.

– Шарлотта, милая, если ты не любишь крепкие напитки как таковые, дам тебе совет: превращай их в гарниры. Это даже будет шикарнее, более утонченно, скажем так, изысканная мелочь. Ты можешь использовать «бадминтон» в качестве соуса, например, к пудингу. Ты и не напьешься, и вкусно поешь.

– Я помню, как ты изобрела этот рецепт, – оживилась Джейн. – Сначала ты пролила, а потом хотела выбросить...

– В итоге она мне велела доесть испорченное блюдо, – со смехом перебил ее Макс.

– Не понимаю, что тебе не нравится, – невозмутимо говорила Алойк, делая на каждом слоге множество акцентов. – Ты был торжественно выбран первым дегустатором! Между прочим, – вон мелькает ваша учительница.

– А ваша? – спросила Джейн.

– После утренних занятий с вами, я могу считаться ее коллегой... – тут Алойк повернулась ко мне с остатком жидкости в бокале (в ее руках даже несчастный стаканчик казался бокалом).

– Твое здоровье! Ты понравилась мне, Шарлотта!

– И ты мне, Алойк, – ответила я с искренней улыбкой.

Не могла удержаться от желания посмотреть ей вслед: при ходьбе она чуть покачивалась и эффектно, чересчур вырази-

тельно переставляла ноги, как во время танца.

11. Я проснулась в тишине от кошмарного сна и тут же забыла, о чем он был. В ушах нарастал гул, а когда я открыла глаза, звук вдруг пропал, оборвался и оглушил тишиной. Усталость, усталость... В голове шумит... С таким трудом удалось заснуть, и снова собственное сознание меня напугало; оно само себе не дает отдыхать. Чувствую себя как на другой планете... Почти не знаю, кто я... Разве это жизнь во мне? Бьется где-то потревоженный нерв, призывает к спасению – да только от чего спастись? Разбитое сердце, разбитая голова, словно тяжестью придавленное тело – словно что-то страшное случилось со мной, а я понять не могу – что? Не живу, а только дышу часто-часто, пытаюсь восстановить умственные способности...

Фонари заглядывают сквозь плохо задернутые занавеси – свет рассеивается, слепит, ничего не видно, небо темное, углы глухие... Жить начинаю скоро, когда улавливаю шорох – странный звук, постукивание, будто кто-то прыгает по стенам.

– Опять! Никак не успокоится, не наестся. Я даже хлебницу оставила открытой. Игрушка Зака здесь во всем виновата...

Многие утверждают, что он существует – но как такое может быть? Как с ним жить? Не прекращает стучать бестелесное существо... Как теперь уснуть? А если мне понадобится встать – как я пойду? Вдруг он на меня набросится и бу-

дет творить черный юмор? Совсем сейчас не до шуток! Поднимаю голову, вижу поблескивающие углы мебели и черные провалы между ними. Стучит... Не знаю где, но стало лучше слышно – значит, подбирается к кровати... Звук монотонный, но не наводит ни скуки, ни тоски, ни даже раздражения – одно сплошное беспокойство, которое давит нервы. Возникает ощущение, будто волосы на голове уже шевелятся от ужаса и необъяснимости. Как бы я хотела вскочить и повключать везде свет, но разве это что-то изменит? Он убежит, а потом вернется – он знает, что ночью я в его руках и лампы для меня так же губительны – я не усну при их свете. Крепче прижимаю к себе Анну – но легче не становится. Я боюсь, что она превратится в какое-нибудь сказочное существо прямо в моих руках. Спящий человек – плохой помощник... Господи, неужели никто не слышит этого стука?! Замерзаю от ледяной скованной крови... Куда бежать, если вокруг только темный мир, очарованные предметы, ничего не освещающие фонари, рядом неподвижный человек – чужая я здесь среди них; сейчас какой-нибудь контролер увидит, что я не сплю – и накажет... Космос спустился, темно и страшно, хоть открой глаза, хоть закрой их. И тихо, как в могиле! Тихо... Ушел он... Тоска льется из глаз. Разве я собиралась изливать душу? Но все время плачу, все время... Надо было мне быть дождем, надо было стать слезами господи... Грех здесь какой-то, когда безмолвие покрывает землю. Ушел домовый... Куда? Зачем? Ведь это мой дом, здесь

у меня ценные вещи...

– Господи, как мне спать? Почему я всегда думаю о плохом? Словно ищу зло в своей душе... Словно все больше и больше становлюсь злой... Словно возмездия жду... Когда же небо станет розовым и упадет первый луч? – вот тогда ты меня простишь... Сделай же воздух светлее, и ты увидишь мои слезы... Они не злые, а чистые на умытом лице. Пусть небо будет розовым – я усну спокойно и буду знать, что не очнусь снова в этой темноте...

Вижу серо-синюю кучевую массу – обыкновенная туча, гремит гром, а потом появляется рисунок с детской открытки: на лужайке играет с собачкой опрятная желтоволосая девочка. Вот повторяющийся сон – и когда я им грежу, то сразу понимаю: мне плохо, физически плохо, болит живот или внутри что-нибудь колет. Просыпаюсь в розовом свете и лучах, но нет наслаждения – не до этого. Понимаю, что ужасно хочу есть, но меня безобразно тошнит.

– Надо срочно перевернуться и снова уснуть. Меня просто убьёт иное времяпровождение. Придется мучиться от аппетита, но не иметь возможности проглотить кусок из-за тошноты. Я усну, и все пройдет. Может быть, хотя бы в субботу завтрак не покажется отравой...

Это уже не бесы, а живой организм издевается, от которого гораздо труднее спрятаться – совсем не скрыться! Только оглушить, временно забыться – но не для лучшей жизни...

.....

– Шарлотта, Шарлотта, проснись...

Второе марта, начало уикенда.

«О-оооо, – раздаётся внутри, – оооо, ужас...»

– Шарлотта, пожалуйста, поговори со мной...

– Зэкери, молчи, не кричи... Не мешай!

– У нас нет завтрака. Что мы будем есть?

– Разве Анна ничего не сварит? Ведь она уже встала?

– Встала да ушла!

– Куда?!

– В библиотеку.

– Как? Опять? Немыслимо, – последнее слово я уже прошептала, совершенно потеряв смысл разговора. – Не-мысли-мо... – и устало отвернулась от Зака.

Он зашлепал по полу босыми ногами, огибая кровать. Вновь глухо зазвучал где-то его голос, временами прорываясь с неожиданной силой и обрушиваясь на уши пронзительными словами.

– Валенсия тоже спит. А я не могу входить в ее комнату. Ты же знаешь, что мне все запрещают...

– Заки, умоляю... Если я не выплусь, то весь день буду ни живая ни мертвая. Ну пожалуйста, сделай что-нибудь сам...

– Но что же мне приготовить?

– Не знаю... Купи полдюжины яиц и пожарь яичницу...

Когда в ранние часы будят по пустякам, засыпать снова – настоящая отрада, потому что чувствуешь, как засыпаешь,

как изнемогаешь от желания смежить веки, укрыться с головой, ни о чем не думать – и в буквальном смысле делаешь в этот момент все, что хочешь... А если бы Зак сказал: «Вставай! Уже семь часов»? Я не гоню прочь подобную мысль – я смеюсь над ней, торжествую. Как же по сравнению с настоящим удовольствием безобразно это прошлое и будущее! И недоумеваю, как только у меня всегда хватало сил подняться, кажется, сейчас бы точно не хватило...

Оранжевый цвет перед глазами – от окон пахнуло теплом, запахом солнечных лучей, сквозь сон становится весело. Странное возникает ощущение, когда высыпаешься – немного ленивое, немного счастливое, чуть голодное, и почему-то все время хочется вздохнуть. Организм долго-долго вёз меня в неизвестном направлении, в темноте, в неведении, в полном подчинении, потом остановился, притих, будто наехал на непреодолимую преграду; нажалась невидимая кнопка – и делай дальше, что хочешь! С размаху влезаю в жизнь! Сейчас ещё чуть-чуть полежу, и глаза, наконец, нормально откроются – без светобоязни и помутневшего зрения. Я увижу яркие желтые стены и фрагмент неба над крышами – голубого и безоблачного, потому что солнце вот уже сколько времени светит сквозь ресницы оранжевым светом...

– Э-эй...

Я просыпаюсь, и любой звук теперь – музыка. Она гладит меня тонкими пальцами по бровям, будто рисует, созда-

ет, но это уж давно законченное произведение, пригодное лишь для созерцания. И взгляд у нее сейчас умиленный, но спокойный, с дрожащим чувством, – отчего кажется немного грустным. Все знаю наизусть.

Когда я, наконец, решила взглянуть на мир, то первое, что увидела, было изображение Мигеля: Анна размахивала надо мной портретом. Тогда я подняла голову и поймала губами его лицо.

– Привет, малыш... Какой ты крошечный на этой фотографии.

Энджи засмеялась и принялась совать его в постель.

– Анна, на нем уже высохли мои слезы? – спросила я театральным голосом. Она покачала головой:

– Хоть бы рамку завела... Совсем портрет угробишь!

– А почему он такой холодный?

– В отличие от тебя он давно уже встал и даже успел сходить со мной в библиотеку. Съездил в твоей тетрадке...

– Какой ужас!

– И упал на пол...

– Ещё ужаснее! Лицом в грязь. Пойди и умой его!!

– Шатти... Намокнет...

– Вытрешь!

– Испортится...

– Будешь отвечать!

Тут портрет скрылся куда-то с глаз долой в складках одеяла, а я принялась нить.

– Не хочу вставать. Мне придется заняться гимнастикой и 60 раз махать ногами. Каждое утро мечтаю ничего не делать – и все равно делаю, как заведенная... Который час?

– Почти одиннадцать.

– Мне кажется, здесь когда-то был Зэкери.

– Не видела.

– По-моему, я совершила глупость. Я отправила его на кухню.

– И что особенного ты ему заказала, с чем он может не справиться? Свадебный торт?

– Ах нет, боже мой... В страшном сне я не ела его тортов!

– Пойду взгляну?

– Нет, останься. Я попрыгаю...

Мы решили пораньше поехать в город и прогуляться по магазинам – правда, без денег, но зато со множеством материальных планов на будущее. Я все мечтаю, что когда-нибудь разбогатею и куплю массу необходимых вещей за один раз, вернусь домой с пакетами, и мы до ночи будем разворачивать, разворачивать... Хочу свой дом – и чтобы все в нем было новое. Наверное, мне хочется шикарного интерьера – что может радикально поразить новизной, как не то, чего никогда раньше не было? Я люблю смотреть на шкафы, огромные и вместительные, в которых можно спрятаться, с зеркальными дверцами, чтобы я видела себя со всех сторон, как в спортзале. Насколько люблю свободу, широкие природные ландшафты, настолько же нуждаюсь в каких-то за-

борах, стенах, тесных пещерах... Для каждой забавы – свои пределы. Но неужели это только игра – или постепенно стало игрой, когда я не наигралась? Не я ли глаз не могла отвести от кроватей под зажженными светильниками, с белыми покрывалами и фигуркой плюшевого мишки между подушками? – все они были двуспальными... Совсем не получалось представить узкой свою постель. А ещё у меня всегда была мечта вставать рано и кормить мужа... Я едва поступила в первый класс – совершенной дикаркой, без понятия о правилах и долге, только боязнь и делала из меня приличную девочку; учиться я тогда совсем не умела, а только мастерица была мечтать да фантазировать – и вот, в семилетнем возрасте, сидела нередко и представляла, как кормлю своего мужа. Однако, готовить хорошо я никогда не умела – может быть, оттого, что мужа не было.

Всю жизнь живу с навязчивым и неотвязным ощущением, что мне чего-то не хватает для полного счастья – и это приводит меня к полному несчастью... Почему теннис удался именно тогда, когда появился Макс? Но ведь пишутся же мои романы в одиночестве, почему тогда жить без людей не могу, хоть и чувствую себя чужой между ними – чужой и им, и самой себе? Может быть, люди – не те?!

И я держалась одной надеждой, что однажды найду чью-нибудь душу – вторую половину себя, без сомнения, лучшую половину. Только все теперь стало плохо! Биологическая изменчивость сыграла со мной злую шутку: насколько я была в

детстве жизненно умудренной, настолько же теперь стала совсем распущенной. Пусть – не безнравственной, но какой-то не такой, без прежних ценностей. Я, например, уже почти сказала, что никогда не выйду замуж. Внутри так озлобленно – то ли на себя, то ли на обстоятельства, которые против моих лучших замыслов. Я все пустила на самотёк; мир вертится, я играю... В теннис. И не только. Послезавтра увижу Мигеля – и, наверное, потеряю его навсегда. Танцевать я уже бросила... Реальность всегда отбивает у меня малейшую охоту с ней соприкоснуться. Но скорее из упрямства, чем из надежды я продолжаю делать утреннюю зарядку, выпрямляю себе спину; часто покупаю новую губку и пену и становлюсь под холодный душ – борюсь за хорошее настроение, хорошее самочувствие, словно знаю, что все получится и мне надо будет встречать успех...

Экери с постной миной вынес тарелки. От блюда кошмарно несло солью.

– Крутые яйца! – сказала я. – Крутой Уокер!

Уокер – это его второе имя по паспорту.

– Теперь ты все свое филологическое чутье направишь на то, чтоб мне прозвища подыскивать?

А про соль он сказал, что она выпадет в осадок, если произвести химическую реакцию с кислотой. Я как услышала, тут же вцепилась в тарелку.

– Дай, – говорю, – сюда эту запеканку. Я съем ее за милу душу!

Мы достали хлеб с изюмом, всыпали в чай по четыре ложки сахару – и как-то позавтракали, добавляя яичницу в бутерброды. Чуть подпорченный завтрак перед праздничной поездкой на концерт – далеко не самое страшное, почти ничтожество. Однажды у соседей на чьих-то именинах вместо десерта пришлось довольствоваться соленым мороженым, причем в огромных количествах. Вот это был вкус! Мы так и не поняли, как такое могло получиться – видимо, в целях экономии денег (но в ущерб качеству) приобрели на комбинате бракованный товар.

Для сегодняшнего мероприятия был отведен спортивный зал Эмпайр-Пул в Уэмбли; я абсолютно не знала, где это, и не запомнила дорогу. Стюарты лучше ориентируются в Лондоне. Мы ехали в вагоне по одной из девяти линий метро и поднялись на поверхность в местечке, неизвестно на сколько удаленном от Ливерпульского вокзала и Центрального города – и в какую именно сторону. Зак пояснил, что это северный пригород, один из крайних лондонских «боро», но, оглянувшись, я почувствовала все тот же неуловимый колорит местности – во-первых, зимний снег роднил все районы, во-вторых, их спланировал в любом сознании сам образ столицы. В окрестностях все было белое, светлое – невысокие здания и высокие дома и офисы, бесконечные вывески, как и везде. Фирменные магазины на улицах оказались уже знакомыми (как филиалы своих торговых компаний они рассредоточены в разных частях Лондона, встреча-

ются в Челмсфорде и, вероятно, по всей Англии): трехэтажный универмаг, похожий на «Хэрродс» и принадлежавший той же «House of Frazer», очень распространенный книжный магазин «Смитс», супермаркет, сбывающий продукцию от «Unigate», «Cate – away» или «Kwik Save». Здесь же нашлись стандартный Макдональдс и пара пабов: один – собственность компании Whitbread, другой – старый-престарый с обычным названием «Экипаж и лошади».

Зэкери смотрел только на еду в поисках своего печенья, я собиралась показать Энджи необычные лампы, те, что видела в «Хэрродс», а Валенсия, которую всегда привлекали всякого рода толчеи, подошла поближе к книжному и в разгар проходившей там рекламной акции сумела получить бесплатный талон. Теперь у нас была возможность выбрать в магазине несколько книг себе в подарок. Мы отправились бродить между стеллажами без определенных мыслей. Я нашла случайно два нужных мне издания: рассказ «Старик и море» Эрнеста Хэмингуэя и легендарного «Ловца во ржи» Д. Д. Сэлинджера, о котором я собиралась в следующем триместре написать пробную курсовую работу по литературоведению. Книжечки были тонкие и в мягких обложках. Здесь очень распространена такая глупость: даже словаря не найдешь в твердом переплете, не говоря уже о художественной литературе.

– Ещё какие предложения? – спросила я негромко и задумчиво.

Но Ээкори уже тащил мне огромный том с газетной бумагой – полную трилогию «Властелина колец», против которой я высказывалась несколько месяцев. Одноименный фильм показали во всех кинотеатрах, молодежь ринулась к прилавкам за DVD и печатными оригиналами – а мне просто претило это стадное чувство. Обиднее всего было то, что я с раннего детства любила милую сказку о хоббите Бильбо Бэггинсе – и вдруг «Туда и обратно» оказалась всего лишь первой историей из целого цикла. Мне казалось, только я вправе читать и перечитывать это произведение, но из него вдруг раздули такую невероятную сенсацию, что даже неприятно. Как будто мою собственную душу вынесли на толпу – только под другим авторством. «Я первая нашла хоббитов, – хочется мне сказать иной раз, – вы про них ничего не знали, а я даже мелодию придумала к песне гномов». И вообще ко всем продолжениям я отношусь как-то осторожно и подозрительно, если они появляются гораздо позже, чем начало.

– Ну ладно, – буркнула я и сунула увесистую книжищу в картонный пакет.

«Смитс» был одним из тех магазинов, где книжные залы совмещены с музыкальными. Однако, нам диски слушать было не на чем, поэтому я даже не собиралась их смотреть. Но Энджи все время украдкой поглядывала в сторону отдела, откуда лилась приятная мелодия и, наконец, шепотом предложила мне туда пойти.

– Зачем?

– Узнать, вышел ли уже альбом Джордана Шелли... – сказала она тихо. – Только не говори Заку...

– Почему? – удивилась я. – Мы же всегда делились музыкой.

– А вдруг он начнет дразнить? Вот, мол, Анна увлекалась роком, Скутером – а тут интересуется сладкоголосым гитаристом, да еще красивым... Мне будет неприятно.

– Ну хорошо. Как хочешь.

Я дисков никогда в руках не держала, и они казались мне совсем несбыточной роскошью, поэтому, когда мы приблизились к стендам, стало как-то не по себе. Я ничего не поняла в их расположении и только рассеянно скользила взглядом по чересчур ярким вкладышам, не различая ни одного названия. Анна нашла каталог – огромную папку с отпечатанными списками. Дома в таких папках мы храним копии критических и учебных статей. Диска Шелли в перечне не было указано, зато я увидела довольно странное имя – Шакира. Я даже решила, будто это новая русская певица – слишком явная игра слов, но Анна сказала, что она из Колумбии. Какая-то чепуха получается!

И мы, избежав устрашающих Анну объяснений со Стюартами, отправились в универмаг смотреть лампы. Несколько залов подряд занимали предметы обихода, точнее, громоздились друг на друге. По стенам были развешаны, как оружие, различная кухонная утварь, бытовые инструменты; на прилавках вдоль стен и на сдвинутых столах посереди-

не располагалась посуда: стеклянная с цветowym или цветочным покрытиями, хрустальная – почти невидимая, металлическая – зеркальная и блестящая, фарфоровая – сплошь белоснежная; деревянные корзинки (в одной из них неизвестно почему сидел плюшевый пушистый зайчик); масса баночек для специй (формы их были неисчислимы, а дизайн живописен и неистощим); множество тряпичных и соломенных фигурок – то прихватки, то подставки – все с неизменной физиономией домового или подобного ему оберега; столовые наборы – вечная аристократическая гордость, вилки с поистине женскими изгибами, ножи с устрашающими лезвиями; сверхсовершенные чайники и кастрюли (кто только считает производящие их фирмы!); полные полки тарелок, целые стеллажи бокалов, сервизы в нарядных ящиках – только такие и преподносят на свадьбу. Среди товаров оставался узкий проход, и покупателям приходилось кругами и зигзагами двигаться вдоль столов. На мгновение нас совсем отрезали от выхода, и мы, заставленные сплошной посудой, чуть не ослепли от блеска и ассортимента. Все было такое чистое, новое, предназначенное для счастливой, красивой жизни – я мысленно присваивала себе все, что видела и заполняла свою идеальную кухню. Но даже грузовой машины не хватило бы мне для транспортировки! Странная боль – сладкая, мучительная... Изматывает всю внутренность, и – пустота без ощущений... Это, конечно, лишь подростковый перепад настроения, но я чувствую, как мечта меня сгрызает,

лишает действительной жизни – а шансов ей мало, даже не на то, чтобы осуществиться, а на то, чтобы в полной мере сбыться, в любой мелочи и сохранить свой духовный замысел, не только материальный. Не надо голимым богатств ради богатств – я смирюсь, я часто с этим смирялась... Хотя бы один-единственный ящик с сервизом, – обычный свадебный сюрприз, – чтобы вечером, после праздника, раскрыть его и сказать мужу: «Смотри, какую красивую посуду нам подарили!», лишь отношений человеческих, лишь стимул для жизни в отдельном гнезде... Насмотрелась я опять и расстроилась. Все эти кухни, спальни – атрибуты дома, дом – ассоциация с семьей, а семья – воплощенная любовь! Так это было просто, логично, ожидаемо, а теперь все срывается – я срываюсь... Надоело мне. Я перестала верить, что мечта сбудется в полной мере и принесет ожидаемое счастье. А когда не знаешь, за что борешься – есть ли смысл? Нет его!!!

Лампы по-прежнему курились разноцветной жидкостью. А тем временем у Зэкери случилась своя трагедия. Он зашел в отдел готового мужского платья и увидел нежно-голубой костюм – брюки и ветровку – из первоклассного катона. Глаза его разгорелись азартом и восторгом. Он немедленно вырядился и повернулся к зеркалам... Я сама не могла налюбоваться славным гармоничным сочетанием светлых волос с расцветкой ткани.

– Хочу! Хочу! – стонал Зак.

Но о таких больших покупках пока не могло быть и речи.

– Ладно, Зэкери, не расстраивайся, – сказала я мягко; очень хорошо знакомо это чувство ущербности, когда что-нибудь до зарезу охота, а денег нет. – Не завтра и померли...

И вот Зак, дрожащий, совершенно распахиванный, ключий, чуть не всхлипывающий (в 17-то лет!), наконец, с нашей помощью кое-как покинул отдел.

Атмосфера обещала взорваться звуком, но пока стучали наши сердца от ожидания, необычности, чуть праздничной взвинченности, взволнованности, молодой радости... У молодости свой собственный разум, совсем не такой, как у самой личности – это не мы живем в юности, а она в нас. И Зэкери скоро отвлекся, посмотрел по сторонам, увидел что-то интересное. Иногда мне хочется быть, как он, бесшабашной, с детскими печальями – но это лишь моя слабость, желание уйти от трудностей, от дум. Оказывается, я начинаю лениться...

– А в Ирландии двухэтажные автобусы – зеленые, – заметил вдруг Зак. В голову иногда приходят совершенно неожиданные мысли.

– Кто это сказал?

– Ирландка.

– Какая?

– Айрис.

– Кто такая?

– Ну, она хотела стать моей сестрой.

– В смысле?

– Выйти за моего старшего брата.

– А он?

– Испугался.

Мне захотелось поговорить о его братьях, об их занятиях, узнать, наконец, их имена. Я столько раз собиралась расспросить Зака обо всем, но постоянно отвлекалась, забывала. И снова не получилось никакого занимательного рассказа – мы подошли к входу в Эмпайр-Пул и протянули билеты на контроль.

На Западе очень странные концертные площадки – свет почти отсутствует, из-за чего, естественно, не видно ни стен, ни внутреннего убранства, а бедному артисту вообще приходится смотреть в черную пропасть под ногами. В зрительном зале царит темнота, и только над сценой вращаются голубоватые прожекторы – видны только корпуса в виде довольно ярких пятен, а свет от них будто чем-то поглощается, и если какая-то его доля и пронизывает пространство, то это кажется зловещими, дьявольскими отблесками. Тяжелая обстановка – и люди вокруг, люди, люди... сумасшедшей толпой. Все они раскачиваются, как волны, и если не попадешь в ритм, тебя обязательно толкнут и опрокинут. Никто на концерты не наряжается, все в джинсах, майках, кроссовках, куртках – зато навешивают на себя золото, железо, пластмассу и красятся до неузнаваемости, становятся страшными, при мимолетном освещении – даже жуткими и опасными; когда режут (от лучших, наверное, чувств), на лице

образуются темные подтеки с волнистыми и углообразными краями, глаза становятся в два раза больше и не выражают радости, никакого подобия расслабленности – сплошные порывы неопределенного качества, театрально подчеркнутые и доведенные до экзальтации. Кричат, как звериное общество, тянут руки, как проклятые, отлученные... Такое создается впечатление, будто не на концерте находишься в цивилизованном городе, а, как минимум, наблюдаешь заклинания при кострах в какой-нибудь самой дальней и доисторической индейской глуши. Артист – темная фигура, никакого вида... А потом обрушивается шквал звука – и тогда только зажимай с непривычки уши!

Музыка призвана уводить нас от реальности, отвечать личным чувствам каждого, питать их или корректировать – и подобная обстановка может послужить неплохой проверкой для качества мелодии. Бывают моменты, когда отдаешься неотъемлемой красоте и уже не замечаешь ничего вокруг. В такие минуты считаешь себя автором, композитором, ибо гениально слушать надо тоже уметь. Если бы только у меня был музыкальный центр с эквалайзером и супербасами, я бы не взялась ещё стадностью отравлять свои проблемы!

Велика была толпа, но стоило мне повернуть голову – и я увидела Алойк совсем близко. Она надела красную футболку, завязала волосы, на ее веках уже не было теней, только губы – ярко-красные, модные. Это не была ее маска, это было вновь истинное ее лицо, потому что упорное достоин-

ство в глазах превращало некоторую, может быть, распушенность в абсолютную свободу и внутреннюю силу, обусловленную такой свободой. Столько жизни было в ней, столько физического подъема, но без напряжения, словно она играла в волейбол и не пропускала ни одного мяча. Возможно, Макс и меня видел на корте именно такой... Я чувствовала себя такой. А влажная, горящая отдельными пятнами красота Алойк заставляла меня чувствовать это вновь. Полет, приятное сокращение мышц, покой в душе – имя ему удовлетворение... Тогда в моей голове и зародились преступные мысли. Они лишний раз доказали, какая я непредсказуемая, чувствительная, увлекающаяся – и ветреная, ветреная абсолютно, непостоянная, ненасытная... Но об этом после.

На сцене появился Скутер. Не могу сказать, чтоб я была его поклонницей и хотела бы пополнить им свою музыкальную коллекцию, но меня интересовали, даже удивляли и его облик, и его шоу. Хотя это и неправда, но мне все время казалось, что он неживой – механический, божественный, какой угодно, только не человек. Оскал звериный, глаза неподвижные, будто стеклянные и раскрашенные. Я слишком уяснила, что все блондины – холодные, но этот был скала и ледокол одновременно. И как только можно под таким образом вводить в репертуар столь громкую музыку? Непонятно, откуда может взяться усилие души. А он и не пел, только время от времени вставлял какие-то непонятные слова ужасным голосом, от которого тряслись стены. Продолжалась музыка,

а он вновь и вновь пересекал сцену и на краях ее резко раскидывал руки, будто его пронзало звуком; тогда он казался единственным героем огромной высокогорной оперы.

Героической была музыка... Не знаю, отчего это зависело – от громкости, от безмолвия, бессловесности, от ассоциаций... Чувствовался мне, и не с помощью органов, наполненный чем-то воздух – словно каким-то веществом. Это находилось уже внутри меня и будоражило кровь. Мелодия перерабатывалась во мне в нечто осязаемое – и оно, в свою очередь, распирало грудь, будто порываясь на волю, в пространство. Так окружающий мир входил в меня, а я растворялась в мире – вечная метаморфоза первоначала, хаоса, из которого все получается, но куда все и уходит... Я становлюсь титаном, могу объять необъятное, множусь в целую армию, нахожу мужское начало – разве это невозможно? В любом живом, в древности задуманном, скрывается тайна – тайна мудрости и силы, и мы ее знаем, мы носим ее генетически, подсознательно. Оказывается, есть шанс вскрыть феномен мира! Тьма породила свет – и внутри нас девственная темнота! Кто об этом думал? И там зарождаются светлые слезы, светлые помыслы, блестящие идеи – чувство прекрасного и жажда искусства, когда это надуманное прекрасное вырывается наружу. В мире все так здорово связано – и почему только самое что ни есть естественное иногда обзывают пошлостью? Да, во мне парень – и он гораздо лучше, чем я! А самое главное – пробудился он от прекрасного, от музыки, от

могучего громкого звука, похожего на клич в горах. И случилось это не сейчас, в зале, а очень давно, когда я ещё начинала жить... Песни идут одна за одной, я не запоминаю названий – зачем? Мне хорошо в этой музыке – как в чем-то былом – приятном, родном, живительном, первоначальном, ПЕРВОМ... Как известно, все первое всегда воспринимается острее. И картинки прошлого начинают возвращаться ко мне – так много уже прошлого, мертвый груз всего ПЕРВОГО... Может быть, каскад своеобразной музыки постепенно привел меня к пониманию, а это отдельная мелодия здесь и не ключевая? Но стоило как следует разлиться, разыгаться и войти в полную силу песне «How much is the fish», я вдруг вспомнила свою первую любимую музыку. Весь этот концерт, оказывается, сплошная ностальгия по бывшей когда-то новизне моей уже старой и проверенной идеи-фикс.

Мне было пять лет, когда я услышала песню группы «Европа» под названием «The final countdown» – и такое она произвела на меня впечатление, что я до сих пор живу под властью ассоциаций, возникших у меня в результате прослушивания. С тех пор я нравственно больна героизмом и мужским началом. Я пишу о сплошной самоотверженности, военной славе, подвигах; я воспеваю мужскую красоту, мои литературные герои – сплошные мальчишки, все они – мои близнецы. Я в себе чувствую парня. Во всех встречных и поперечных молодых людях я ищу прекрасное – и здорово завожусь, когда нахожу. Некоторые думают, что я очень влюб-

чивая, но это не любовь, а гордость создателя. Это так же трудно понять, как бисексуализм признать положительным явлением. Боже, что с нами станет?!

Последняя по программе песня наполнила меня новым смыслом – может быть, он и был мне сейчас нужнее. Но я шла на концерт с совершенно другим настроением, другими мыслями, готовая настроиться на громкую музыку. И вдруг этот Скутер так меня поразил... Стало еще темнее. Он вынес на середину сцены стул и уселся с гитарой. Зазвучала мелодия – грустная, на одних тонах, без барабанной дроби, но огромная, отдающая эхом, громом... И тогда он запел... Все вокруг заплывало в каких-то помехах. Я уже не могла четко видеть его – он весь был в тумане, но мне казалось, что по склоненному лицу текут слезы или дождь, стирая его глаза, его черты, всю его бесчеловечность. Настолько он разбит был в этой позе, настолько великолепен – как умирающий гладиатор.. «Eyes without a face... eyes without a face...» И ничего больше не надо, кроме одной-единственной фразы – в ней главное, в постоянном возвращении к ней. Когда сумасшедший рокер поет тихую балладу – насколько трагичнее она кажется! Мы смотрим, как страдает высокий, сильный, страшный человек, как он сгибается, негибаемый, под духовностью – и это его добродетель, не поражение, ибо величественно на его одре страдание от любви и ее боли. И он пел, на низких тонах срываясь с голоса, на высоких – разрывая душу мне. И ужасно было лить слезы среди зала, да я не

могла их сдержать. Море вокруг, море сладкой боли; наслаждения в боли – пассивное лекарство раздраженных нервов. Я и не понимала, о чем он поет – просто мы находились под одной крышей, и душа сама в себе пела о своем, бесконечно заражаясь похожей болью совершенно случайного человека...

Да, моя эстетика, мое искусство... Как же быть? И я неудачно влюблена. И кажется, мне это на пользу. Раньше я страдала по-черному, совсем не поэтично, утопая в плохих оценках, в семейных скандалах, в пороках своего характера – что неуклонно тянуло на дно, словно срабатывал каждый раз механизм самоликвидации. Слезы были от злости или от страха, меня часто все бесило, било по самолюбию, по положению, по авторитету; настолько это бывало беспросветно, тупо, уныло, лишало сил жить, что-то исправлять, строить планы. А я и не строила планов вне ПЛАНА, мне было некогда и нельзя. Исключение из школы и профессия дворника пугали меня гораздо больше, нежели отсутствие год за годом законченных произведений, дружеской теплоты. Мне не поставят тройку за то, что у меня нет парня. Значит, это пустяк, ничем это не грозит, на аттестате не отразится... И вообще, это – ГЛУПОСТЬ, это – ОТВЛЕКАЕТ, к тому же я – УРОД... Вот так оно пошло и пошло, личная жизнь воспринималась как праздность, ненужность и постепенно заняла место дальше заднего двора. Я даже свыклась с мыслью, что любви у меня не будет – так уж сложилось, не для любви,

значит, рождена...

Не бунтую я и теперь – почему что-то должно было измениться? Смирно страдаю, делая из этого идею – и даже стала счастливее. Боль от любви – легкое расстройство, которому можно отдаться, расслабиться, ничего не делать, роптать на жизнь – и главное, не обвинять себя. Я полна теперь жизнеутверждающего чувства, не буднично-прозаического, а созвучного с музыкой, с моими романами – это порыв, даже в грусти! Однообразный быт с вечным «не получается» – вот что истирало душу в бездействии и разум в ничтожестве, а я желала бурных эмоций, чтобы внутри все колело, кипело и море казалось по колено. Как же мне было не найти счастья в тоске своей, как могла не полюбить тех моментов, когда сердце полно до краев, растревожено и чутко реагирует на неуловимую прежде красоту мира – и если готово сгубить само себя, то только прекрасно, с песней, в честь кого-нибудь, во имя чего-нибудь? И я улетаю от земли на подбитых крыльях, я учусь любить его мировой душой, а не моим лишь отчасти состоявшимся женским началом, я намеренно хочу уйти от земных страстей – злости, обиды, мести, ревности. Все это не то! Как приятно любить выше облаков, обладать святой любовью и хранить ее как чистое стеклышко... Если бы отношения можно было построить такими – да возможно ли?! Особенно для меня. Я и с собой-то не дружу, а что говорить о какой-то еще привязанности. Земному земное, а я как человек – всего лишь мертвец, потому что – совершен-

ный импотент... И зачем мне только это тело? Сколько из-за него было проблем, сколько оно мне душу потравило, понизило... Бывают, конечно, и в нашей жизни радости совсем подходящие – живые, эмоциональные, самодовольные, но вечное земное счастье слишком успокаивает, а я не могу не грустить – на этом держатся мои произведения. Я обречен... обречена... Кто я – сама не знаю. Душа! – кто это? Он или она?

... Господи, что же такое происходит? Я никогда раньше не видела звезд. Эта мелодия в тумане свела меня с ума – и все еще звучит с каждого светила, что блещут в ночи. Дышу и живу..., задыхаюсь от жизни, от дождя, от тепла. Все Мишуткины атрибуты! Алойк ловит мои руки, а я уж ничего не соображаю.

– О! Я смотрю, ты в восторге?

– Да, в экстазе. Хорошая музыка – моя слабость...

– Макс сказал, что ты увлекаешься танцами. Обязательно заходи ко мне в университет, у нас с тобой найдется, о чем поговорить...

В этот момент я уловила взгляд Энджи, немного затаённый, но, смело и открыто заглянув ей в глаза, я упрямо пожала протянутую руку Алойк.

– Конечно, зайду.

Короткая сцена – никто даже и не понял, что это была сцена. И честно признаться, лучше бы она тогда поскандалила и демонстративно оттащила меня от Каваливкер...

Шла сейчас по темноте домой и смотрела в небо. Хотелось, чтобы рядом не было людей – тогда я бы крикнула изо всех сил: «Мигель!» – без других слов. Человеку приятно, когда его зовут по имени – это психология. Я так хочу, чтобы он почувствовал, что в мире есть я, кричащая в небо его имя и любящая его больше себя – и чтобы он всегда об этом помнил и меня дождался. Иногда страшно – разве могут сбываться все мечты? А потом рассуждаю: «Это не только мое счастье, но и его тоже – и любовь угодна богу, потому что дает предпосылки к продолжению рода. И медаль я получила серебряную, а не золотую... А золотую до сих пор хочу!.. Так, возможно, он – моя высшая награда?»

Мигель, Мигеле, Миг, е ещё лучше – Микки, мягкое, детское прозвище: человек с таким именем никогда не станет злодеем... Какой же ты на самом деле? Смотрю на тебя, и мне кажется, что ты не можешь быть каким-нибудь не таким, как я себе представляю! Иногда у меня возникает чувство, что тебе грустно, и ты зовешь меня, свою любовь, которую уже отчаялся найти. В такие минуты хочется подойти к тебе, погладить, покачать твою голову, поцеловать в лоб, сказать, что я здесь, рядом с тобой, ничего не бойся... Иногда чувствую, что тебе плохо, что с тобой что-то не так – и хочется бросить все, бежать, найти тебя непременно, рыдать – кинуться на шею, сказать, что мне тоже плохо и только с тобой я выживу... Мишка, так жалко тебя и себя! Я и говорю одну сплошную жалость, как будто все несчастья мира расписаны

в наших грустных глазах...

Тоска глядит... Вот уставится и сверлит дырку. От предметов отражается, от стен, окон, дверей, людей входящих, людей уходящих – как затанет! – и хочется выть на луну... Как собаке...

– Что случилось с тобой, моя Энджи? У тебя всегда было ровное настроение – доброжелательность, предсказуемость, флегматичность. В тебе не было взрывов. Я и не помню, когда ты в последний раз плакала...

– Когда чуть не ослепла... А теперь мне кажется, что лучше бы я не видела этого мира...

– Отойди от окна, Энджи, там уже нет солнца. Ты просто пытаешься спрятать от меня глаза – и напрасно... Я видела, как ты расстроилась, когда не нашла диска... и тебе не удалось вновь увидеть Джордана Шелли!

– Шагги, – воскликнула она, выражая восторг от собственных мыслей, но сами эти мысли прозвучали тихо-тихо, – у него прекрасные светлые волосы и бездонные голубые глаза. Он, должно быть, поэт!..

– Ах, Анна, как мне это все знакомо...

– Но ты послушай!.. Мне вдруг представился закат... Красное солнце садится за океаном... Красивое розовое небо... Шум волн, нежный ветерок, теребящий его волосы... Он стоит, озаренный вечерним солнцем, его одежда треплется ветром..., волосы разлетаются в разные стороны... У него задумчивый вид... Я иду по берегу в длинном сарафане, с

распущенными волосами... Подхожу к нему... Он поворачивается в мою сторону и откидывает левой рукой волосы назад... Его нежно-голубые глаза улыбаются мне... Мое лицо озаряет счастливая улыбка... Он тоже улыбается мне своей безумно очаровательной улыбкой... Он протягивает руки ко мне..., и я бросаюсь в его объятия... Он подхватывает меня и, прижав к себе, кружит в порыве счастья... Я смеюсь только ему одному... Он опускает меня на песок и смотрит мне в глаза... Солнце освещает наши фигуры...

– Увы, все блондины холодные и недоступные...

– Все? А Макс?

– Энджи! Лучше ругай меня, но не говори, что он хороший...

Она замерла, глядя на меня с мольбой; она уже не понимала, что говорит, не соотносила меня с моими целями – и доказывала мне красоту блондинов, которая давно стала для меня горькой и трагичной... Я словно видела прежнюю себя со стороны! Нас было теперь не трое, а четверо в этой комнате – две парочки... Мне уже казалось, что история с Джорданом Шелли насчитывает много лет, и я уже устала от бесконечных разговоров о нем. Хоть ничего подобного и не было, но предчувствие всего этого за считанные секунды извело душу. Не осталось вдруг никаких сомнений: она его любит! – и пусть я узнала об этом первая, однако возникло чувство досады, будто я что-то пропустила, не доглядела – а попросту, не догадалась раньше... Но это можно было только

предсказать, нагадать на кофейной гуще. Как злит осознание себя дураком: вот висело нечто над головой, я и не знала – и вдруг оно упало! Дальнейшие проблемы с последствиями стали видны, словно издеваясь, как на ладони!

– Я просто помечтаю... – продолжает она покорно шептать.

– И замечтаешься... Посмотри на меня, Энджи, я тебе живая натура! Ты видишь, что со мной случилось? И в каком болоте мои мечты? Мне тоже было хорошо первый месяц... Но ты знаешь все лучше меня, потому что я часто была в полном беспамятстве. Зачем же с тобой происходит то же, что со мной? Это абсурд! Мы друг для друга станем насмешками... – несчастные подружки, влюбленные в звезд! А надо мной судьба даже вдвойне посмеялась. Потому что твой Джордан – блондин... Так и хочется воскликнуть: «О боже, как все это понимать?!»

– Я разделю твою участь, Шатти...

– Самое ужасное, что ты начинаешь зависеть от меня и делаешь все, как я – даже бессознательно. Может быть, и нашу любовь именно я вбила тебе в голову?

Но я не дала ей возможности ответить – зачем мне ее надуманные ответы: теперь это только богу известно! Я перевернулась на кровати, рядом с ней, гладила ее руки и снова принялась твердить:

– Твоя любовь опровергает мою, лишает ее единичности, возможности сбыться. Получается, что все фанатки влюбля-

ются в своих кумиров...

– Но я ведь не собираюсь любить его – как поклонница. Неужели ты не веришь в мою искренность так, как в свою? Мы, наоборот, должны увериться в наших чувствах, потому что нас уже двое. Значит, настоящая любовь к звездам действительно бывает.

– Не знаю, что и думать, Энджи... А может быть, мы и в самом деле гомосексуалисты? Мы словно намеренно влюбляемся в мужчин, которые не могут быть с нами. Как будто оправдываем одной невозможностью другую, даже не оправдываем, а прикрываем... Возможно, это мы в принципе не можем быть с ними? Чего тогда стоят наши мечты о них?

Нет, она не знает... Вот жизнь – нарочно не придумаешь!.. Как бы ни было тяжело, сюда же лезут ещё пороки... Я просто страшный эгоист, хотя и твержу всегда, что не против ее отношений с парнями. Теперь ничего нельзя будет рассказать ей без того, чтобы она в ответ на мое нытье не повторяла: «И у меня... И я тоже...» Меня совсем не утешат ее страдания – но придется говорить о каком-то Джордане, успокаивать ее... Какой, спрашивается, из меня утешитель! А может быть, ей уже надоел Мигель, и она в отместку мне придумала этого Джордана? Но если это и так, она потом поверит, что на самом деле его любит... Анна не умеет нарочно лицемерить. По-моему, мы обе стали жертвами взаимной преданности и доверия. Раньше хоть она меня как-то поддерживала, отвлекала на себя – а что будет теперь? Сплош-

ное беспросветное болото в нашей жизни.

12. В воскресенье я проснулась с непонятным, но подозрительным ощущением в горле. Оно словно распухало изнутри и хотя не болело, но всю меня и мою душу наполняло мукой, близкой к содроганию: я подозревала у себя инфекцию. Накануне на нашем потоке разразилась эпидемия свинки, и в пятницу нам всем поставили прививки. Но я могла уже заразиться!.. Целый день я ныла и ходила из угла в угол. Время тянулось медленно, в груди была сушь, глаза слезились, музыка резала уши, меня немного морозило и тянуло в сон, несмотря на то, что я встала в двенадцатом часу. От страха у меня пропал аппетит; жевала только сухое печенье Зака, а потом вдруг стало противно и тяжело в желудке. Надо было выпить хоть горячей воды, но меня затошнило от ее тупого вкуса. Вспомнилось почему-то, что в блокаду люди пухли от кипятка. Никаких медицинских средств от свинки я не знала, поэтому и не принимала, а все маялась дурью дома и чего-то ждала – то ли облегчения, то ли обострения. К вечеру мне показалось, будто я заплываю жаром... Анна сказала, что это может быть реакция на прививку, но я ощущала себя больной и разбитой, во мне было полно неприятных симптомов, которые вызывали злость и протест, но не против самих себя, а против здоровой действительности и нехстати яркого солнца. хотелось куда-нибудь провалиться..., но беспокойный сон принялс я ночью саднить голову, нагонял массу бре-

да, я тонула, не забывалась – и все время ощупывала горло, грела дыханием край одеяла, прикладывала к нему...

В понедельник с самого утра провалила две контрольных работы – и свет окончательно стал мне не мил...

– Анна, скажи, пожалуйста, зачем ты меня сюда при-тащила? – я бросала резкие, отрывистые слова не хуже, чем Алойк, и яростно сжимала свое левое запястье, чтобы немного заглушить ноющий нерв. – Кто просил Линду брать нас с собой?!

– Ты!

– Я?!

– Да-а...

– Бред какой-то...

– Она ещё сердилась, что ты обращаешься к ней с такими просьбами, а сама бросила танцевать...

– Энджи, ты понимаешь, надеюсь, что я не могу здесь остаться? Я чувствую себя преступной, и...

– Шатти, это все глупости. Ты лучше посмотри, как люди танцуют!

Вся эта драма происходила в Альберт – Холле, недалеко от универмага «Хэрродс». Финансы пели романсы, а на сцене танцевала моя идея, как искры чертовского (чертовски хорошего!) пламени. Подмостки вспыхнули, бомбой не разрушенные... Весь этот электрический разряд упал на собственную голову принципом фонтана: из себя и на себя. Сначала, конечно, вода была как вода, струилась водопадом, но после

того, как я велела себе заткнуть этот фонтан, – видимо, произошло короткое замыкание. Открываю глаза, сбрасываются последние отходы из слез – и вот уже виден Мигель в красном обличии... И вот уже не он, а я горю в адском пламени! Как в рекламе про красное вино, материализуется из ярких отблесков Мигелевой рубахи девушка в красном платье по имени Ализэ. Что они танцуют, не понимаю. Думаю только, что ей не идет красный цвет, думаю, что идет голубой... Потом возмущаюсь этим мыслям, потому что голубой цвет идет мне. И тогда хочу, чтоб она вообще исчезла... Она вдруг и правда исчезает. Он один идет по краю, вниз смотря с видом никем не спасенного, и вдруг жестом спасителя вытаскивает на сцену какую-то девицу...

Но самое ужасное было, когда он к ней приложился. Поцеловал – и все!

- Паскуда, – сказала Анна, более склонная рубить с плеча.
- Энджи, перестань... Не смей!
- И он стоит твоих слез?!
- Стоит... Он дорого стоит!
- Конечно, грязь со всех собирать дорого обходится...
- К чему это все говорить? Мне легче не станет.

Аплодирует зал – понятно, увы, что вовсе не танцам. Девица, смеясь и плача, висит на шее... страшно сказать – Джейн Деметры (не хватало ещё, чтобы последняя меня увидела!) Рядом с ней визжат ещё несколько клонированных, – словно выпрыгнувших от восторга из той, целованной, – де-

виц:

– А здорово ты ухватила его за задницу!..

По сторонам взираю – Алойк нет. Энджи тянет на выход:

– Пошли уже домой. И всех пошли, потому что они пош-

лы.

И едем в Эссекс на ещё полном автобусе, я ее сажу, сама над ней покачиваюсь. Сглатываю и сглатываю: раз – больно, другой – не больно, першит каким-то печеньем или песком, или прахом... Сгорела, наверное, душа... И начинаю по-философски думать о взаимодействиях воды и жара, думаю, что попадание влажных слез на жаркий кристалл вызвало электрический разряд, рассеивающий энергетический туман, что породило (как из ребра Адама, так и из ауры Мигеля) Ализе и отношение между ними. И думаю, откуда же взялся кристалл, и вдруг вспоминаю, что в слезах содержится соль, которая твердеет в кристаллах. Тогда я не понимаю, почему кристалл горячий... Это, видимо, уже не моя заслуга. Зато перед глазами стоит белый порошок соли, просыпанный на сковороду и прокаленный до бугристого цвета... Так и мой самородок замутнел от чьих-то печей – и результат налицо: продолжает собирать грязь и превращаться в не все то золото, что блестит. Вот и значит – Мигель есть соль... Промывает мою душу, как кристалл... как соль промывает нос... Глаза разъедает – и реакция на соль опять слезы, опять лью слезы. Но удивляюсь я, как же мой просоленный кристаллический Мигель мне-то не просверкал, что ушла я несолоно

хлебавши...

Тут заземляюсь я со своим электрическим разрядом и представляю, как бы он меня вытащил вместо той девицы. Ведь я бы ему не позволила – не с этого начинается любовь... А она радуется телячьи, что ей так круто! Вот как говорится. «Нам бы ваши проблемы» – читай: «... для нас это радости», так и «Нам бы ваши радости, мы бы вмиг их умалили до отрицательной величины ниже средней». Что ей прибыло? Не любовь – ибо опять же не с этого любовь начинается. Или она радуется, что все это видели? Ну видела я – глаза бы не смотрели! Или радуется она, что оскорбила чьи-то лучшие чувства? А что толку их оскорблять – все равно от удивления противодействию в Таргар не свалятся да ещё и отомстят... Лучшие – они ведь во всем лучшие.

И доехали до жилья, сели напротив друг друга... Хотелось просто пожать плечами... Что делать дальше, не знаю, что будет – не представляю, даже что было, – и то не понимаю. Психика на снежный ком завернулась – драму микшировать... «Зачем пошла на чемпионат – а зачем вообще про Мигеля узнала – а зачем сама родилась – а зачем мир возник...» А логика, две контрольные предавшая, нигилизм свой продолжает: «А зачем эти мысли?» Железная ты, логика! Заваливая то плохое, то хорошее – ты хоть временами бываешь права. В мире неадекватата даже это не маловато

13. У Алойк не было пары. Алойк сидела на первой парте в огромной аудитории со светло-лакированными столами; ее

окружали несколько продолговатых книг, изжелта – красочных, переплетенных на знакомый манер, собирающий листы единым пластом, точно армию.

Я сидела рядом с ней, и пятнами закладывались в гипофиз подробности ее фрагментов. Волосы черные, чересчур черные. Глаза прозрачные... Странно... Морско око и черное море. Грудь высокая, акцентированная тканью голубой блузки. Покрытие не скользящее, а словно вросшее, русалочье... И вспоминается походка ее – из стороны в сторону переклинивающая, точно вылетают при каждом шаге бедра из суставов и тяжело идти на хвосте...

И опять эта чернота – черным по белому от Мигелево саднение, и вода, опасно смывающая с твердых желаемых почв, и колдовские замашки эти русалочки, в ней находимые...

И ведь говорят, что так бывает рано или поздно у всех мужчин, но я-то, я-то – ведь мужчина – не мужчина – думала, у меня уже точно будет по-другому. Спасет красота мир – от чего, спрашивается, спасет? Мое внутреннее устройство под красотой впало в бестолковую саморефлексию, что-то пытаюсь сделать лучше. Я стала терять то, что имела, ради прозрачной этой красоты, которая сидела напротив – а я пропала... Дальше-то что? Я видела, – буду твердить я. И все равно буду упускать ее ради того, что не видят на поверхности – а себе оставлять боль вместе с горделивым чувством, что вот, мол, я люблю другую исключительно за внутренние качества и вообще я такая верная – но ведь любовь ли это?

Наверное, ведь не изменами в собственных чувствах должна испытываться любовь... Ну скажите ещё, что повезло Энджи – теперь ей любить сквозь заслонку чудных девушек, любить в замочную скважину, любить и гордиться, ибо против лома нет приема.

Странно, что любя Мигеля, красивейшего мужчину на земле, я почти не задумывалась о его звездной, располагающей к поклонению внешности... Возможно, я упивалась его красотой, но никогда не думала, что миллионы в это время упиваются, а я одна из них... Они любили за красоту, а мне он был знаком. Сначала я его узнала по глазам, а потом сообразила, что – да, вроде красив. По поводу Энджи вообще не задумывалась о красоте ни разу. Эффект узнавания работал, как генератор – вижу косые глаза, и все – это мое, и я дома в своей тарелке. А с Алойк было иначе: я вешалась от водянистой груди и четко размеченных черт лица и понимала, что я влюбляюсь в банально красивую девушку... А кто же этого не может-то – влюбиться в красавицу?!

Дверь периодически открывалась, и внутрь заглядывали одноклассники; разговор сводился к частоте курсирования в коридоре лиц знакомых и незнакомых. Передо мной Алойк, странно распинаясь, превозносила без устали английский язык. Оказалось, что она вовсе не англичанка, а представительница еврейских успехов. Рассказы ее дышали спокойным воздухом профессионализма. И я начала понимать, что ее резкие фразы четко отделаны годами по оригинальным

кембриджским пособиям со множеством фотороботов – девочек и мальчиков, застывших под каждую сцену комикса. Пока я зубрила грамматику по томам Happy English и превращалась в книжного червя, Алойк была неплохо подкована на вербальные и социальные шутки.

– А ты знаешь, что когда начинаешь танцевать действительно от души, то даже порой, стоя на остановке, уже ставишь ноги в танцевальные па и воспаряешь над собственными ногами?

– Значит, ты танцевала, Алойк?

– Посетила несколько уроков по разным направлениям, а потом поняла, что мне это уже не надо...

– Почему же ты тогда не выступаешь на сцене? – удивилась я.

– А сцена ведь вторая жизнь, а зачем она мне, если танец вместился в мою реальную жизнь. Ты знаешь, что Джейн добивается кандидатуры в VIP?

Я хладнокровно удивляюсь...

– Да, она профессионально занимается танцами. А по ней ты это видишь?

Вспоминаю точеное лицо Деметры, вспоминаю странный жест выправить грудь под неизменными мужского кроя рубашками... И Алойк вдруг начинает отвечать моим мыслям:

– Я тоже очень люблю мужские вещи. Рубашка Макса очень стильная, я бы даже приобрела себе такую...

– А почему не приобрела?

– А ты знаешь, что мне и Макс сначала нравился, но потом я узнала, что он нравится многим. А мне это зачем? И более того, знай я заранее о такой его популярности, – он бы мне даже и не понравился...

Тут я уже опешиваю:

– А он в чем виноват?! Получается, он будет всем нравиться, но никто не захочет иметь с ним дела! А если бы нам с тобой сказали, что, мол, я тебя разлюбил, потому что ты понравилась кому-то другому?!

А она посмеялась:

– Не беспокойся за Макса, Шарлотта, масса его фавориток мечтают иметь с ним это дело...

В это время в дверном проеме опять рисуется чья-то фигура, и Алойк кричит:

– А где Джейн?

– Спит, – отвечают ей.

– С кем?!

Вот рушит, как на лесоповалке – и все. Что ты будешь с ней делать... Но меня поражает реакция парня, к которому обращен вопрос. Он отвечает степенно и с достоинством, без идиотского смеха (честно говоря, меня слегка пробивало на подобный!):

– В принципе одна. Но рядом с Сержем.

– У нее никогда не получалось преподнести себя так, чтобы ее реально уважали, – она снова завела про Джейн. – Она перед университетом тщательно продумывала, как она будет

себя вести, что говорить... Она приводила меня на встречу школьных выпускников. Меня там хорошо приняли, но было видно, что она не тот человек, который может привести новых лиц в компанию...

– А теперь у нее это получается?

– Ты понимаешь, она тренируется в танцах до изнеможения, а потом дома ходит как попало, неестественной походкой... Все время ломится, как в глухую стену... А я считаю – если не идет, то и не твое, либо не в своем формате на это дело западаешь...

И тут я вспоминаю что-то похожее: пока не научилась ставить соединения в словах – просто ненавидела писать, а с обновленной версией почерка как заскользила бумагу марать даже не по программе...

Не могла я понять только, что у нее за подтекст в отношении меня. Она опять словно мысли мои читает:

– Подумай, что тебе в жизни дают танцы? И дают ли что-то?

А я вдруг задумываюсь, что это жизни моей теннис дался... Поучает ли она меня, потеряв надежду наставить Джейн, или наоборот – уничтожает меня на пути Джейн к победе в VIP...

А однажды я слышала, что Алойк запросто назвала подружку сволочью, а та спокойно отвечает:

– Почему сразу сволочь?

Но в любом случае все Джейн да Джейн у нее на уме. И

теперь я имею туманную Деметру в потенциальных соперницах в спорте, а с Алойк пролетаю над Парижем буквально лишь в розовых снах... А тут Алойк выдала еще лучше:

– Я летом уезжаю в Израиль. Навсегда.

Значит, Джейн остается... Чуть ли не на мою голову...

– Вы всей семьей уезжаете?

– Родители с сестрой будут тут жить.

Выясняется, что сестра эта – София – старшая, а самостоятельно жить будет Алойк – конечно, успешности последней нет предела.

И тут наш разговор заходит о тяжелых подробностях деторождения. Я говорю, что не могла иметь брата или сестру, потому что из-за совпадения родительских реузус-факторов второй ребенок получил бы заболевание крови. Алойк говорит, что врачи предсказали ее родителям то же самое, но в отношении третьего ребенка. А вот в семье обожаемой Джейн три сестры! А потом она утверждает, что ребенку так же тяжело родиться на свет, как матери – родить.

– Я думала, младенец кричит, чтобы вдохнуть воздух, – озадаченно говорю я.

– А он кричит от боли...

– Вот те раз! А что болит?

– Сказывается изменение давления среды. Это очень дурная боль. Счастье, что никто потом ее не помнит.

А говорит так, будто не забывала. Значит, у меня родовая травма... Вот почему я умираю все эти годы!..

14. Дуло в уши... Стоял холод с припадками жары. Остановка угрюмо молчала, знакомого было мало, автобус не торопился... Бережно прикасаюсь к манжетам салатной ветровки, слегка встряхиваю ногами, и успокаивающе прикасается мне в ответ полотно клеша. Сегодня мы с Алойк были совсем-совсем одни в небольшой ее квартире.

Сначала встретился во дворе университета смущенный Макс. Неужели он подумал, что я приехала к нему?! И он мне сказал самые ужасные слова – всем и всегда ужасные, но я настолько была безучастна к ситуации, что и слова эти оказались неуместными. Сначала была очень удивлена, а потом обрадовалась до веселья от сознания того, как в этот раз лихо мимо боли меня протащило...

– Шарлотта, мы были в ссоре с Джейн. Но теперь все прояснилось. Ты извини...

Меня ведь, оказывается, прокатили! И все, видно, были в курсе... И Алойк весь день прибывала в каком-то извиняющемся состоянии: о Джейн, о танцах, о теннисе – ни слова... Старалась кормить меня сахарозой и шоколадом, заговаривала зубы, давила на уши; песни из приемника расслабляли до хмельной эйфории. И я сидела на диване в окружении мягких игрушек, на фоне красных ковров. Кажется, она собрала все сладости с уличных прилавков. Собственно говоря, это были сплошные клинья различных тортов. Она говорила, что не знала, какой лучше, и принесла все, оправдыва-

лась, что медовые пирожные разобрали. Она смотрелась бы в официантках: так ловко принесла все торты и ни одного не уронила. Грация спасла пир! Алойк показывала совместные со своей сестрой детские фотографии, где сама она неизменно угадывалась с печеньем в руках. Оказалось, что Каваливкеры имели вечные проблемы со встречной полосой – каждая несколько раз подвергалась риску стать загудроненным идиотом... Я узнала о том, что сестры со смешного возраста ходили гулять до скольки хотели в дома своих подруг и претенденток в оные... И отец только посылал вослед, видимо, с его точки зрения, очень остроумную фразу:

– Что? Дружить пошли?

Но женихов не было замечено (вот ведь юмор-то!), а София – единственная, имевшая хоть какие-то отношения, уложила с ними в период одного светового дня. И медаль свою после колледжа она сунула в ящик и более не вспоминала, а учиться поступила в какой-то неизвестный никому институт.

И тут появилась сама София – да ещё впридачу с какой-то Хеленой. Сестра была рассудительна, снисходительна ко всем проявлениям, как-то необыкновенно мягка – прямо в унисон своему серому пушистому свитерку... И хотелось постоянно встречать ее где-нибудь и здороваться или просто по телефону звонить и по имени ее называть, как бы показывая – вот, я тебя узнаю по голосу... И что-то (или все) мне отчаянно в ней нравилось, и даже, помнится, жалела я, что

она не сестра мне, не подруга. И вдруг пробило тогда же, что я никогда ее больше и не увижу... Она с порога уселась напротив нас и принялась приятно смеяться на фоне собственного жизнеописания. Хелена же рьяно кинулась на диван с ногами, пробив меж нами брешь, задевая тарелки, и прямолинейно недевическим голосом вопрошала:

– А чего это вы тут объедаетесь?..

И шли чуть ли не драгоценные минуты. Алойк начинала смеяться все громче и громче, заглушая сестру и в чем-то повторяя вульгарность приятельницы... Она сидела рядом со мной и постепенно скатывалась головой на моё плечо. Мне кажется, в тот момент она вовсе не обращала внимания, обо что опирается ее затылок. А я цепенеюще превращалась в мебель в попытках не спугнуть редкую птицу или, наоборот, не обнаружить себя перед лицом черных крыльев беды.